

Богословско-историческая коллекция
**Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России**

[Липаков Е.В.], Сухова Н.Ю.

ОБЗОР ИСТОРИИ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАНИ

Электронное издание

© Сухова Н.Ю., 2013

© Учебный комитет РПЦ (www.uchkom.ru), 2013

© Издательство «Аксион эстин» ([www.axion"estin.ru](http://www.axion)), 2013

Москва, Казань, 2014

ОБЗОР ИСТОРИИ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАНИ

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

Периодизация

Первые образовательные учреждения в Казани

1. КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ В XVIII в.

От славяно-латинской школы к семинарии

Казанская семинария при правлении преосвященного

Амвросия

(Подобедова)

2. «СТАРАЯ» КАЗАНСКАЯ АКАДЕМИЯ 1797–1818 гг.

3. КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ В 1818–1842 гг.

4. КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ в 1842–1921 гг.

Становление Казанской духовной академии (1842–1870 гг.)

Казанская духовная академия в 1870–1900 гг.

Казанская духовная академия на рубеже эпох (1900–1921 гг.)

5. НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Приложение. Мученики и исповедники из преподавателей и выпускников Казанской духовной академии

ВВЕДЕНИЕ

Казанская духовная академия, открытая в 1842 г. по принципам и со всеми правами высшего учебного заведения, стала четвертой и последней по времени духовной академией в России. Со временем она превратилась в крупный центр духовной науки, активно развивала как богословие, так и смежные с ним науки, дала России многих выдающихся иерархов, ученых и мучеников. То, что академия открылась именно в Казани, разумеется, не случайно. Однако «академическая» история Казани очень непроста. В литературе часто можно встретить утверждения, что важнейшую роль в учреждении академии именно в Казани сыграло географическое положение города, многоэтничность и многоконфессиональность региона, что Казанской академии отводилась особая роль в христианизации народов России. Источники не подтверждают того, что перед Казанской академией ставились специальные – миссионерские – задачи. И в 1797 г., при преобразовании Казанской семинарии в академию, и в 1842 г., при открытии «новой» академии, она рассматривалась как высшая духовная школа со всей полнотой соответствующих задач, хотя последние не всегда были четко сформулированы. Это ставило Казанскую школу перед необходимостью реализации общего духовно-академического эталона, в который неизбежно входила и ученая задача. Однако, разумеется, указанные выше факторы неизбежно ставили перед Казанской академией на всех этапах ее бытия и задачу поддержки православной миссии. Таким образом, КазДА на протяжении всего своего исторического пути должна была реализовывать все эти «заданности», по возможности гармонично сочетая их – это и дало феномен этой уникальной академии.

Периодизация

Данная статья представляет основные вехи исторического пути Казанской духовной академии, который был начат основанием в Казани славяно-латинской школы в 1723 г. Несмотря на то, что Казанская школа лишь в 1797 г. получила статус академии, затем в 1818 г. почти на четверть века – до 1842 г. – его лишилась, да и в дальнейшем она неоднократно претерпевала преобразования, изменявшие ее задачи и структуру, можно рассматривать историю Казанской школы XVIII – начала XX в., как единое целое. В этой истории можно выделить четыре основных периода:

1) период Казанской семинарии в XVIII в. до преобразования и получения статуса Академии в 1797 г. (1723–1797);

2) деятельность «старой» Казанской академии до радикального преобразования Казанского духовно-учебного округа по общим духовно-учебным уставам 1814 г. (1797–1818);

3) деятельность Казанской семинарии до открытия «новой» Казанской духовной академии (1818–1842 гг.);

4) деятельность «новой» Казанской духовной академии (1842–1921 гг.).

Первый и последний из выделенных периодов можно, в свою очередь, разделить на несколько подпериодов – это будет сделано в процессе изложения.

Но предварить основную историю Казанской духовной школы следует краткой предысторией – указанием основных образовательных инициатив, предпринимавшихся в Казани в первые два десятилетия XVIII в.

Первые образовательные учреждения в Казани

Первые школы при епархиальных архиерейских домах начали открываться в России в самом начале XVIII в.: к этому призывались киевские иноки, поставляемые на епископские кафедры, ревновали о духовном просвещении и некоторые из архиереев-великороссов. Так, в 1702 г. святитель Димитрий Ростовский открыл при своем доме в Ростове духовную школу, просуществовавшую несколько лет. Через два года школу открыл митрополит Новгородский Иов. Примерно в это же время была предпринята первая попытка создания архиерейской школы и в Казани. Митрополит Казанский и Свияжский Тихон (Воинов), управлявший Казанской епархией в 1699–1724 гг. был родом из Нижнего Новгорода, происходил из торговых людей Гостиной сотни, и, в отличие от святителя Димитрия, сам в духовных школах не учился. Возможно, на него повлияли примеры указанных архиереев: он был лично знаком с ростовским владыкой¹, а святитель Иов Новгородский был земляком преосвященного Тихона.

Но если в школе святителя Димитрия учились мальчики из семей духовенства, то митрополит Тихон в 1707 г. собрал в Казани для обучения Часослову и Псалтири и подготовки к священническому званию тридцать два мальчика из крестьян, «инородцев» (чувашей, крещеных татар, марийцев,

¹ В храме Ярославских Чудотворцев на Арском кладбище Казани находится Толгская икона Божией Матери – подарок святителя Димитрия Ростовского казанскому митрополиту Тихону.

удмуртов, мордвы). Школа разместилась в архиерейском доме в Казанском кремле, учителем стал архиерейский певчий. Через два года пятеро учеников «совсем обучились», и, очевидно, были направлены в приходы, 20 человек «выучили Часослов», а пятеро умерли. В 1709 г. школу закрыли по распоряжению казанского губернатора Петра Матвеевича Апраксина «для того, что оные новокрещенные дети, будучи в Казани без отцов и матерей своих, зачали помирать, а другие заболели». Но вряд ли дело было в заботе о детях. В это время все финансовые дела архиерейских домов контролировал Монастырский приказ, средства нужны были для продолжения тяжелой войны со Швецией и гражданские власти не желали выделять средства на церковные школы. Школу святителя Димитрия Ростовского в 1706 г. тоже закрыли светские власти. Святитель писал митрополиту Новгородскому Иову: «Оставиша учения, понеже вознегодоваша питающие нас, аки бы многие исходит на учителя и ученики издержка, и уже вся та, чем дому архиерейскому питаться, от нас отнята суть, не токмо отчины, но и церковные дани». Скорее всего, казанские, а может быть, и столичные «питающие [власти] вознегодоваша» и на митрополита Тихона за «многие издержки» на «учителя и ученики».

В 1716 г. в Казани и Свияжске были открыты цифирные школы. Разумеется, они не были духовными учебными заведениями. Указ об открытии цифирных школ был подписан в 1714 г., и в его основе лежала известная приверженность Петра I к математике. Для открытия цифирных школ в каждый более или менее крупный город направлялись по два воспитанника Московских навигацких школ. Они должны были собрать «всякого чина детей» и учить их «цифири и некоторой части геометрии – циркульным приемам, тригонометрии плоской, тангенсам».

Но не случайно в XIX в. юбилеи Казанской духовной семинарии праздновались в восьмые годы (тогда ошибочно считали, что цифирная школа в Казани открылась в 1718 г.). Согласно указу, помещения для цифирных школ должны были быть выделены в архиерейских домах, а среди учащихся вместе с солдатскими детьми и детьми «приказных людей», должны были учиться мальчики из семей духовенства. В Казани цифирная школа открылась в архиерейском доме, первым и единственным учителем в ней стал гардемарин Семен Куницын. Через 10 лет, в 1726 г., здесь из 113 учеников 47 были из духовного звания. Но постепенно цифирная школа превратилась в учебное заведение военного ведомства, а в 1740 г. она была официально преобразована в гарнизонную школу для солдатских детей

(учителем в это время был тот же Семен Куницын, уже в чине секунд-майора). Точное время перевода цифирной школы из архиерейского дома установить не удалось, но к 1740 г. она уже находилась в другой части кремля, принадлежащей военному ведомству.

В том же 1716 г. цифирная школа была открыта в Свияжске, в Успенско-Богородицком монастыре, она действовала до начала 1730-х гг., в ней тоже учились дети из духовного сословия.

1. КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ В XVIII в.

От славяно-латинской школы к семинарии

Если в первые годы XVIII в. школы открывались лишь отдельными архиереями, то Духовный регламент в 1721 г. поставил это в обязанность всем епархиальным преосвященным. Казанская славяно-латинская школа была открыта тем же митрополитом Тихоном (Воиновым) уже в 1723 г., в числе первых пяти (Казань, Суздаль, Коломна, Вятка, Холмогоры). История первых лет существования школы напоминала историю множества других – обучение было очень примитивным. Но, тем не менее, история Казанской духовной семинарии рассматриваемого периода не является темой только местной истории церкви и просвещения. Благодаря ряду объективных и субъективных обстоятельств в середине и второй половине XVIII в. она вошла в ряд российских духовных учебных заведений самого высокого уровня, сыграла важную роль в развитии духовного образования и истории Церкви в целом.

В первые годы деятельности Казанской славяно-латинской школы учебный план был очень скромным: латинский язык преподавал «шляхтич польской породы» Василий Яковлевич Свенцицкий, а его помощники-монахи обучали детей элементарной грамоте и славянскому чтению. В краткий период, когда епархией управлял митрополит Сильвестр (Холмский) (1727–1730), в Казани обучение приняло более регулярный характер, а при Иларионе (Рогалевском), который сам закончил полный курс Киевской академии, стало приближаться к киевским стандартам, благодаря приглашенным выпускникам Киевской академии, среди которых были и будущие митрополиты Сильвестр (Главацкий) и Вениамин (Пуцек-Григорович).

За три следующих года, когда епархией управлял епископ Гавриил (Русский), семинария пришла в полный упадок, в таком состоянии в первой половине XVIII в. находились многие духовные школы России в тех епархиях, которыми управляли архиереи старого закала. Архимандрит Платон (Любарский) в 1780-е гг. слышавший отзывы очевидцев о Гаврииле, считал, что он «до него таким образом заведенное уничтожить велел, хотя бы то великой суммы стоило...., потому, что считал «добродетелью» «... все прежде в России небывалое истреблять без остатку»².

Но если во многих других епархиях духовные школы изначально влачили жалкое существование, то в Казани епископ Гавриил губил семинарию, которая уже представляла собой сложившееся учебное заведение. Это обратило на себя внимание столичных властей. В 1737 г., когда казанский архиерей находился в Санкт-Петербурге, в Казани была проведена ревизия. В результате Гавриил прямо из столицы отправился в Вологду, а в Казани его заменил епископ Лука (Конашевич), закончивший полный курс Киевской академии, много лет преподававший там же, а потом и в Шляхетском корпусе. Именно Лука (Конашевич) сыграл решающую роль в том, что Казанская семинария превратилась в одну из лучших в России и позже могла претендовать на статус академии. За его сравнительно долгое для синодального времени управление епархией были построены обширные здания, семинария обзавелась хорошей библиотекой³. К 1751 г. в семинарии появился высший класс богословия. Как совершенно правильно отметил Платон (Любарский), епископ Лука (Конашевич) «щедростью и рачением» довел свои училища до такого состояния, что они «киевским и московским немало не уступали». Точнее, было бы сказать, что она уступала только Киевской и Московской академиям, а по времени открытия высших классов оказалась наравне со столичной Александро-Невской, наравне с Санкт-Петербургской, Троицкой (Лаврской), Новгородской семинариями. Объективными показателями деятельности семинарии является то, что с начала 1750-х гг. ее выпускники составляли основное пополнение преподавательского корпуса. Среди них будущий ректор Казанской семинарии и Владимирский епископ Иероним (Фармаковский), известный духовный писатель и проповедник Патрикий (Аристовский).

² Платон (Любарский), архим. Сборник древностей Казанской епархии. Казань, 1868. С. 99.

³ Несмотря на многочисленные пожары многие книги из библиотеки Казанской семинарии, в том числе с дарственными надписями епископа Луки (Конашевича), сохранились в фондах Научной библиотеки имени Н.И.Лобачевского Казанского университета.

В Казанской семинарии времен преосвященного Луки (Конашевича) получил образование и один из самых известных проповедников XVIII в., будущий епископ Псковский Гедеон (Криновский), сын казанского дьячка.

Преосвященный Лука (Конашевич) в 1755 г. был переведен в Белгород, но потенциал Казанской семинарии в следующие десятилетия продолжал развиваться, потому что во главе Казанской епархии продолжали находиться достойные архиереи. Архиепископ (с 1775 г. – митрополит) Вениамин (Пуцек-Григорович), управлявший Казанской епархией в 1762–1782 гг., после учебы в Киевской академии и до архиерейской хиротонии провел в Казанской семинарии 14 лет, с 1732 г. был преподавателем, а в 1744–1746 гг. – ректором. Заботу о семинарии он считал своей основной обязанностью, при нем Казанская духовная школа более или менее благополучно пережила тяжелое время секуляризации и введения штатов. 30 мая 1767 г. семинария торжественно принимала императрицу Екатерину II, и дальше продолжала сохранять высокий уровень.

Казанская семинария при правлении преосвященного Амвросия (Подобедова)

Выдающуюся роль в истории казанских духовных школ сыграл архиепископ Казанский и Симбирский в 1785–1798 гг. Амвросий (Подобедов), один из самых известных архиереев и ученых-богословов конца XVIII – начала XIX вв.

Как известно, примерно с середины XVIII в. и вплоть до завершения Синодального периода, система формирования архиерейского корпуса была построена таким образом, что практически каждый епископ имел опыт преподавания в духовных учебных заведениях, а большинство и опыт ректорства в духовных семинариях. Но Амвросий (Подобедов) к моменту хиротонии был одним из самых заслуженных руководителей учебных заведений. Четыре года он преподавал в Троицкой семинарии, четыре года – в Московской академии, потом четыре года был там же ректором. В Московской академии Амвросий составил «Руководство к чтению Священного Писания Ветхого и Нового Завета», которое в 1779 г. было издано в Санкт-Петербурге, потом многократно переиздавалось, многие десятилетия служило учебным пособием в семинариях.

На местах своего архиерейского служения владыка тоже, в первую очередь заботился о духовных школах. В Севске он открыл семинарию, в

Брянске духовное училище. Будучи епископом Крутицким и Коломенским, Амвросий значительно улучшил положение дел в Крутицкой духовной семинарии, открыл в Крутицкой епархии два духовных училища.

Прибытие преосвященного Амвросия в Казань совпало с важными изменениями в системе преподавания духовных школ. В это время под руководством Екатерины готовился Устав народных училищ, введенный в действие в апреле 1786 г. Синод стараясь угодить императрице, оказался впереди светских властей и 27 декабря 1785 г. предписал ввести «способы обучения народных училищ» в духовных школах. Это означало необходимость преподавания немецкого и французского языков, истории, географии, расширение курса математики. И, действительно, уже в 1786 г. все эти предметы стали изучаться в Казанской семинарии. В брошюре 1786 г. заявляется, что владыка «первое свое старание обратил на образ учения, преподаваемого в семинарии и на успехи учащихся, и усмотря, что здесь храним был старый учения порядок, переменял оный, дав собственноручно подписанные наставления для учителей всех классов, сообразно порядку, предписанному народным училищам». В результате «ученики, восчувствовав настоящий способ учения, явили к наукам охоту. И как прежде отцы почитали за несчастье отдавать детей своих в семинарию, так ныне сами священники, дьяконы и прочие приводят детей своих весьма охотно. Сим способом из 200 бывших учеников число оных возросло до 500»⁴.

Важнейшей заботой преосвященного Амвросия было формирование корпуса квалифицированных преподавателей. В 1905 г. были опубликованы письма преосвященного Амвросия ректору Александро-Невской семинарии архимандриту Афанасию (Иванову) за 1790–1792 гг., из которых видно, что в это время только в Санкт-Петербурге в Александро-Невской семинарии обучались пять воспитанников казанской семинарии, которые должны были вернуться в Казань⁵. При этом известно, что питомцы Амвросия направлялись и в Московскую академию, и в Троицко-Лаврскую семинарию.

Владыка Амвросий привлек к работе в Казанской семинарии многих своих бывших учеников и подчиненных из прежних мест своего служения. Префектом семинарии в первый же год правления владыки Амвросия стал иеромонах Амвросий (Яковлев-Орлин), его бывший ученик в Московской академии, который потом под руководством Амвросия преподавал и в

⁴ Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1903. Т. 19. Вып. 3/4. С. 30–31.

⁵ Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1905. Т. 21. Вып. 3. С. 298–301.

Севской, и в Крутицкой семинариях. Преосвященный Амвросий добился перевода в Казань иеромонаха Гедео́на (Замыцкого), который при владыке Амвросии закончил семинарию Крутицкой епархии в Николо-Перервинском монастыре и потом преподавал там же. Уже в последний год пребывания архиепископа Амвросия в Казани в 1798 г. сюда был переведен из Санкт-Петербурга с должности законоучителя кадетского корпуса иеромонах Ксенофонт (Троепольский), воспитанник, а позже префект открытой владыкой Амвросием Севской духовной семинарии. Все трое проработали в Казани долго и в разное время были ректорами.

Введение новых предметов и способов преподавания осуществлялось не только на бумаге, но и в действительности. Архиепископ Амвросий действовал не только приказами и кадровой политикой, он сам постоянно бывал в семинарии, лично знал и постоянно экзаменовал студентов богословского и философского классов. Насколько эффективно было преподавание новых языков, математики и других предметов? Известно, что знаменитый китаевед архимандрит Иакинф (Бичурин), учившийся в семинарии до 1798 г., владел французским языком, даже пытался переводить французские стихи. Между тем, он никогда не бывал в Европе и не общался с европейцами, единственным местом, где он мог овладеть французским, была семинария. Сокурсник Бичурина Александр Карсунский имел большие способности к математике, он не только изучал математику в семинарии, но позже преподавал ее здесь же, в 1820-е гг. был преподавателем математики в светских учебных заведениях Санкт-Петербурга.

Преосвященный Амвросий много занимался и строительной деятельностью. Уже в первые годы его управления епархией все три здания семинарии после пожаров были восстановлены и значительно расширены. В 1789 г. завершилась перестройка корпуса, прилегавшего к Петропавловскому собору. На первом этаже разместились столовая, пекарня и кухня, на втором – большой и пышно оформленный зал для публичных собраний.

Результаты деятельности преосвященного Амвросия имели вполне конкретные результаты. Как уже отмечалось выше, значительно возросло количество воспитанников, но что более важно, большое число учащихся достигало старших классов. Одним из стимулов получения полного образования, примененных владыкой Амвросием, было рукоположение на лучшие священнические места только «философов» и «богословов». В первый год пребывания преосвященного Амвросия на кафедре результаты его деятельности по отношению к семинарии были мало видны. С 1 сентября

1785 г. по 1 сентября 1786 г. ни один семинарист не был рукоположен в священники, один «ритор» стал дьяконом, 5 человек, учащиеся классов от инфимы до пиитики были назначены в пономари, семеро (от инфимы до риторики) – в дьячки. Через 10 лет картина была совсем иной. В 1795 г. были выпущены 8 священников из класса богословия и 3 дьякона, тоже из богословия, 12 человек стали дьячками и 10 пономарями. В 1799 г., когда семинария уже стала академией, священниками стали уже 23 студента.

В Истории Русской Православной Церкви митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Амвросий (Подобедов) остался именно как выдающийся реформатор системы духовного образования. И начал он эту деятельность, еще будучи казанским архипастырем. В 1796–1797 гг. архиепископ Казанский и Симбирский Амвросий находился в столице, будучи вызванным для временного членства в Синоде. В это время он и стал одним из основных авторов проекта реформы духовных учебных заведений, хотя составлялся проект под руководством столичного митрополита Гавриила (Петрова). В основе этого проекта лежало стремление к централизации, стандартизации и унификации системы духовного образования. Предполагалось разделить всю территорию Российской империи на четыре духовно-учебных округа, центром каждого должна была стать академия. Киевская академия уже существовала. Новую Московскую академию было предложено создать путем слияния академии в Москве и Троицкой семинарии и разместить ее в Троице-Сергиевской лавре. Александро-Невская семинария в Санкт-Петербурге и Казанская семинария должны были быть преобразованы в академии. Однако выбор Казани в качестве места для еще одной академии был обусловлен, видимо, деятельностью преосвященного Амвросия – не только его инициативой в составлении проекта, но и энергией, сделавшей Казанскую семинарию достойной преобразования в академию.

Воплощение предложений Синода в жизнь было задержано смертью императрицы Екатерины. Но и для преосвященного Амвросия, и для его проекта восшествие на престол Павла I не осложняло, а облегчало проблему. С наследником Павлом Петровичем и его супругой Марией Федоровной владыка Амвросий (Подобедов) познакомился еще в 1778 г. и вел оживленную переписку. В царствование Павла I именно архиепископ, а затем митрополит Амвросий стал самым влиятельным архиереем.

8 декабря 1797 г. преосвященный Амвросий был снова вызван в столицу для присутствия в Синоде, а 18 декабря император Павел I подписал

указ о преобразовании духовных школ, предусматривающий и дарование Казанской семинарии статуса духовной академии. Однако этот первый указ носил общий характер. Детальная картина предстала уже в следующем указе Павла от 11 января 1798 г., который касался преобразования столичной Александро-Невской академии, но содержал текст разработанной в 1793–1795 гг. инструкции Синода, в которой устанавливался порядок преподавания во всех четырех академиях.

Казалось бы, преосвященный Амвросий должен был срочно выезжать в Казань и открывать академию. Но император удерживал архиепископа в столице. Только в мае 1798 г. владыка Амвросий отправился в Казань в свите Павла I, который вместе с великим князем Александром Павловичем (будущим императором Александром I) путешествовал по Волге. Император отправился дальше, а преосвященный Амвросий остался в Казани и занялся преобразованием семинарии в академию. Но уже через полтора года, 16 октября 1799 г., он был назначен архиепископом Санкт-Петербургским, Эстляндским и Финляндским, викарием столичной епархии, а в 1800 г. стал первоиерархом – митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским. Известна выдающаяся роль митрополита Амвросия в преобразовании Александро-Невской семинарии в Санкт-Петербургскую духовную академию. Если бы преосвященный Амвросий дольше оставался во главе Казанской епархии, то и Казанская духовная академия стала бы полноценным высшим духовным учебным заведением уже в начале XIX в. Но этого не произошло.

2. «СТАРАЯ» КАЗАНСКАЯ АКАДЕМИЯ 1797–1818 гг.

Казанская школа, получившая в 1797 г. статус академии, через 21 год, в 1818 г., его временно потеряла. Но этот краткий и, может быть, не очень славный период Казанской академии – традиционно называемой «старой» – тем не менее, является немаловажным в ее истории. Он освящен в историографии, хотя преимущественно дореволюционными авторами⁶, что не исключает, а даже подразумевает пересмотр некоторых оценок, а также выявление новых фактов и причинно-следственных связей.

⁶ *Благовещенский А.А.* История старой Казанской духовной академии: 1797–1818. Казань, 1876 (приложение к «Православному собеседнику» за 1875 и 1876 гг.); *Старая Казанская академия // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете.* 1877. Кн. II; *Вознесенский П.* Старая Казанская духовная академия (1797–1818 гг.) // *Православная богословская энциклопедия.* Т. VII. СПб., 1906. С. 791–820. Кратко касаются этого первого «академического» периода и авторы истории Казанской духовной семинарии.

Указы императора Павла I от 18 декабря 1797 г. и от 11 января 1798 г., которые предусматривали созидание Казанской школы как духовной академии, носили слишком общий характер, не отвечая на многие вопросы. Указы предусматривали централизацию всех духовных школ Русской Церкви путем сосредоточения их в округа с центрами в четырех духовных академиях: двух старых, Киевской и Московской, и двух новообразованных или преобразованных из семинарий – Санкт-Петербургской и Казанской. Вокруг Казанской академии сосредотачивались семинарии восточных епархий России⁷, а перед самой академией ставилась задача готовить кадры образованного духовенства для этих епархий, руководить учебным процессом в соответствующих семинариях и подведомственных им училищах. Но при этом самые важные вопросы не были решены.

Самая главная административная недоработка состояла в том, что не была даже в самом общем виде определена структура будущего учебного заведения. Указы предписывали введение в высших – философском и богословском – классах многих новых предметов. Но преобразование среднего учебного заведения в высшее подразумевало и открытие дополнительных высших классов, однако этого предусмотрено не было. Получалось, что учащиеся классов философии и богословия будут учиться, как прежде, лишь с несколькими новыми предметами.

Предполагалось, что в академию будут направляться лучшие выпускники подведомственных ей духовных семинарий. Но в большинстве семинарий, которые должны были направлять лучших учеников в Казанскую академию, уже существовали классы философии и богословия, а выпускники богословия даже имели право преподавать в семинариях. Чему же, собственно, должны были учиться в Казанской академии присланные ученики, если в ней был тот же высший класс богословия, что и в их семинариях?

Академия должна была стать центром учебного округа, то есть, получить надепархиальное значение, но при этом она осталась в заведовании Казанского архиепископа, который решал все финансовые, административные и кадровые вопросы. Власть Казанского архиерея, естественно, не распространялась на другие епархии и духовные семинарии, но вопрос о том, может он так или иначе влиять на комплектование академии учащимися из других епархий, оставался открытым.

⁷ В округ Казанской академии вошли Астраханская, Тобольская, Нижегородская, Вятская, Тамбовская и Иркутская семинарии.

Была еще одна сложная проблема, являвшаяся следствием недоработок многих предыдущих Казанских архиереев. В большинстве епархий к этому времени кроме духовных семинарий действовали по несколько духовных училищ. В довольно большой Казанской же епархии, которая к этому времени включала Казанскую и Симбирскую губернии, Казанская духовная семинария была единственным учебным заведением, соединявшим в себе все ступени духовного образования – от начального русского класса, в котором обучали грамоте, до высшего класса – богословия.

Наконец, преобразование семинарии в академию было неизбежно связано и с хозяйственными проблемами. Школа, получившая статус академии, продолжала оставаться в своем старом семинарском здании на Воскресенской улице близ Петропавловского собора. Здание было не столь велико, к тому же неоднократно горело и восстанавливалось, причем последний раз – в 1797 г., перед самым учреждением академии. Разумеется, привлечение в академию более значимого числа студентов из семинарий округа потребовало бы расширения зданий и изменения самого хозяйственного размаха.

При преосвященном Амвросии преобразование семинарии в академию свелось к тому, что появились несколько новых штатных преподавателей разных предметов и несколько увеличилось финансирование. Но это был лишь первый – сиюминутный – шаг, подразумевалась дальнейшая систематическая работа по формированию в Казани полноценной высшей духовной школы. Вероятно, все эти вопросы были бы решены и «старая» академия превратилась бы в полноценное высшее учебное заведение, если бы во главе епархии оставался владыка Амвросий (Подобедов). Но 16 октября 1799 г. он был назначен архиепископом Санкт-Петербургским, Эстляндским и Финляндским, викарием Новгородской епархии, а еще через год – митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским. Известно, что в Санкт-Петербургской духовной академии, вновь созданной на основе Александро-Невских духовных школ, именно под руководством владыки Амвросия реформы имели глубокий характер.

Но в Казани получилось иначе. Преемники преосвященного Амвросия на Казанской кафедре оказались неспособны решить эту сложную задачу. А так как вплоть до духовно-учебной реформы 1808–1814 гг. епархиальные архиереи играли в управлении академиями ведущую роль, незаинтересованность Казанских архиереев роковым образом сказалась на судьбе молодой академии.

Архиепископ Серапион (Александровский), будущий Киевский митрополит, управлял Казанской епархией с 21 октября 1799 г. по 11 декабря 1803 г. Главной особенностью его правления, бросающейся в глаза современникам и отмечаемой историками, была полная бездеятельность. Это подтверждается и записями дневника самого владыки последней части его казанского периода – с 8 января 1803 г. по 1 января 1804⁸.

Преосвященный Серапион вел записи очень аккуратно, отмечая все поездки, службы, встречи. Из дневника следует, что владыка почти безвыездно жил в загородном архиерейском доме на Кабанах, лишь изредка выезжал для богослужений в кафедральный Благовещенский собор и другие храмы города. В академии он на протяжении всего 1803 г., видимо, не был ни разу, не встречался даже с ректором и инспектором по делам академии – по крайней мере, академия вообще не упоминается в дневнике. Впрочем, отметим, что владыка Серапион игнорировал не только академию, но и почти все другие епархиальные дела, кроме богослужебных. Такое бездействие епархиального архиерея было возможно, причем без последствий для него, только в первые годы правления императора Александра I, когда столичные власти проектировали и проводили реформы в государственной, общественной, светской образовательной области, но от проблем Церкви были довольно далеки. Трудно сказать, что стало причиной последующего назначения преосвященного Серапиона (Александровского) на столь почитаемую и важную Киевскую кафедру с возведением в сан митрополита, но, явно, не его деятельность в Казани.

Преемник преосвященного Серапиона архиепископ Павел (Зернов) управлял Казанской епархией с 18 декабря 1803 г. по 14 января 1815 г. В отличие от преосвященного Серапиона владыка Павел часто бывал в академии, знал многих учащихся, выделял на одежду и питание учащихся собственные архиерейские средства. В самом конце 1803 г. младший русский класс был расширен до трех начальных русскоязычных классов, составивших «русскую школу», в которой обучали не только грамоте, но и другим наукам, но не на латинском, а на русском языке. Эта «русская школа» выполняла две задачи: как и раньше, подготовительную, но и самостоятельную: подготовку к занятию причетнических должностей учениками, признанными неспособными к обучению собственно в академических классах. Сюда же определялись для повышения уровня

⁸ Копия начала 20 в. сохранилась в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского. Ед. хр. 2648.

малограмотные причетники, диаконы, а иногда и священники. В этих классах учили чтению славянской и гражданской печати, российскому чистописанию, обиходному пению по нотам, краткой российской грамматике, Священной истории, катехизису, богословию по «краткой христианской богословии» митрополита Московского Платона,

«Русская школа» существовала до 1816–1817 гг., когда правящий Казанский архиерей Амвросий (Протасов) признал ее не только бесполезной, но и вредной для просвещения духовенства, и отдал указание Правлению академии упразднить сначала 2-й и 3-й, а затем и 1-й классы.

Однако, несмотря на внимание к академии и некоторые попытки провести какие-то изменения в учебном процессе, владыка Павел был плохим администратором, при нем в епархиальной консистории расцвела коррупция, с которой не могли справиться и преемники. Авторитету преосвященного Павла не способствовал и нетрезвый образ жизни⁹. Поэтому влиянием в столице он не пользовался, и при такой ситуации сделать что-то значимое не представлялось возможным. Поэтому к 1815 г. Казанская академия представляла собой все тоже странное сочетание разных духовно-учебных уровней, с неопределенной административной и дидактической структурой. Фактически она так и оставалась духовной семинарией с некоторыми претензиями и громко заявленным, но мало реализованным академическим статусом.

В книгах по истории Казанской епархии и Казанских духовных школ закрытие академии в 1818 г. часто объясняют тем, что академия сильно пострадала в пожаре 3 сентября 1815 г.: была уничтожена большая часть зданий, библиотеки, и власти пожалели средств на восстановление учебной базы академии. Пожар имел место, но на самом деле причины обратного преобразования академии в семинарию были глубже.

В 1808 г. началась радикальная реформа духовных школ, проект которой был разработан Комитетом о усовершенствовании духовных училищ и обеспечении приходского духовенства по главе с митрополитом Амвросием (Подобедовым) (1807–1808), а осуществление проводилось в соответствии с утвержденным Александром I докладом Синода. После пятилетней проверки на опыте столичной академии и ее округа Уставы духовных школ всех уровней, включая академии, были скорректированы и утверждены в 1814 г., и в соответствии с этими Уставами все высшие церковные школы действовали вплоть до 1867–1869 гг. Теперь система духовных учебных

⁹ См.: *Лукаков Е.В.* Архипастыри Казанские. Казань, 2007. С. 187–188.

заведений становилась достаточно стройной, четырехступенчатой: приходские духовные училища отделялись от уездных, последние – от семинарий, а те – от академий.

Иным становилось правовое положение духовных учебных заведений. Они выводились из подчинения епархиальных архиереев, для управления духовно-учебной системой при Синоде создавался специальный орган – Комиссия духовных училищ, а каждая из академий становилась центром духовно-учебного округа, ректоры семинарий и смотрители училищ официально считались подчиненными ректора и правления академии.

Существенно менялось содержание образования. Особенно серьезные изменения должны были произойти в духовных академиях. Студенты академий за 4 года должны были изучить большое количество дисциплин. Безразмерное и многолетнее изучение богословия заменялось более четкой системой с продуманной структурой и взаимосвязью отдельных составляющих. Еще в 1814 г., при окончательном редактировании академического Устава ректор столичной академии архимандрит Филарет (Дроздов), будущий святитель, включал в эту систему семь составляющих: чтение Священного Писания Ветхого и Нового Завета, Священную герменевтику, догматическое, нравственное и полемическое богословия, гомилетику и церковное право¹⁰. Кроме того, студенты должны были изучать обширные курсы по общей и русской церковной истории и церковной словесности. Однако высшее духовное образование не ограничивалось богословскими дисциплинами: в курс академий включались классы философии (логики, психологии, метафизики и истории философии), гражданской истории и словесности, языков – греческого, латинского, еврейского, а также новых (немецкого и французского, позднее – и английского), математики и физики, а в дальнейшем – и других естественных наук. Таким образом, духовные академии превращались в полноценные высшие учебные заведения¹¹.

Задача преобразования духовных академий была весьма сложной, требующей больших затрат и серьезной организационной работы. Одной из самых сложных проблем была нехватка преподавательских кадров: у

¹⁰ *Филарет (Дроздов), архим.* Обзорение богословских наук в отношении преподавания их в высших духовных училищах // *Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: В 5 т. Т. I. С. 123–151.*

¹¹ Про духовно-учебную реформу 1808–1814 гг. и ее основные положения подробнее см. статью этого диска: *Сухова Н.Ю.* Духовные школы и духовное просвещение в России (XVII – начало XX века). М., 2014.

Святейшего Синода и Комиссии духовных училищ просто не было средств и людей для преобразования четырех академий. Поэтому, хотя в Уставе 1814 г. и упоминалась Казанская духовная академия и обозначались границы Казанского учебного округа, было принято решение о временном закрытии Казанской духовной академии. Казанский же пожар 1815 г. стал только дополнительной причиной, а скорее – поводом. Решение о закрытии академии – вернее, открытии на ее месте семинарии, как и было до 1797 г., – было принято в 1818 г., когда настал черед преобразования Казанского духовно-учебного округа по правилам нового Устава. Но средние и низшие духовные школы округа – семинарии, уездные и приходские училища – подверглись преобразованию, а организационно-административное и учебно-методическое управление Казанским округом было возложено на Московскую духовную академию – временно, пока не будет открыта по правилам нового Устава Казанская академия¹². Но это открытие затянулось почти на четверть века – на 24 года...

Торжественный акт закрытия академии и открытия вместо нее семинарии состоялся 20 октября 1818 г. в кафедральном Благовещенском соборе, сопровождался этот акт торжественной речью архиепископа Казанского и Симбирского Амвросия (Протасова).

3. КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ В 1818–1842 гг.

Уже вскоре после «преобразования» из академии Казанская духовная семинария превратилась в довольно заурядное среднее духовное учебное заведение. После создания в 1831 г. отдельной Симбирской епархии со своей семинарией Казанская семинария к тому же стала довольно маленькой.

Дальнейшая деятельность Казанской духовной семинарии – после открытия в 1842 г. Казанской духовной академии – также не повысила ее самостоятельной значимости. Хотя во всех академических городах духовные семинарии были отделены от академий, степень их дистанцированности была различной, несмотря на расположение в разных зданиях. Так, в Киевскую и Санкт-Петербургскую академии поступало довольно много выпускников их городских семинарий, Московская академия была тесно связана с расположенной рядом Вифанской семинарией, да и из Московской

¹² Документы, связанные с управлением Казанским духовно-учебным округом в «московский» период, то есть, в 1818–1842 гг., сохранились и были переданы в 1842 г. во Внешнее правление Казанской духовной академии. В настоящее время: НА РТ. Ф. 11 (Правление Московской духовной академии по Казанскому учебному духовному округу).

семинарии в нее попадало – посланцами или волонтерами – немало лучших выпускников. На этом фоне следует обратить внимание на феномен принципиальной отдаленности Казанской семинарии от академии: обычно в академию поступало 2–4 выпускника Казанской семинарии – не более, а нередко и менее, чем из других семинарий округа. При этом казанские семинаристы практически ни разу не занимали первых мест в разрядных списках академических выпускников, а часто и вовсе не попадали в 1-й разряд.

И в дальнейшем среди выдающихся казанских академических ученых почти не было урожденных казанцев. Конечно, были и исключения: так, казанцем был перспективный монголовед начала XX в. архимандрит Гурий (Степанов), но его ученый путь оборвался довольно быстро, его стезей стало архиерейское служение и священномученичество. Профессора академии не преподавали в семинарии – правда, случаи сочетания академической и семинарской службы крайне редки были и в других академиях; но и преподаватели Казанской семинарии практически не переходили на службу в академию – а это не было характерным для других академических городов.

Как ни странно, намного больше на Казанскую семинарию влияло соседство с Казанским университетом. Возможно, отчасти это можно объяснить близостью их местоположения: между зданиями университета и семинарии всего 500 метров, а сейчас в бывшем здании семинарии находится геологический факультет университета. Поэтому наиболее известными выпускниками Казанской духовной семинарии стали университетские выпускники и профессора: психолог Е.И. Гурьянов, медики Н.И. Горизонтов, Н.Ф. Кандаратский, геолог А.В. Нечаев, этнограф Н.И. Смирнов и т. д.; всего профессорами Казанского университета стали 18 выпускников Казанской духовной семинарии.

Следует отметить и то, что в Казанской семинарии была довольно спокойная обстановка, даже в самые «горячие» годы российской истории: почти не было массовых волнений, исключений, противостояния семинаристов начальству вплоть до 1905 г. Среди выпускников семинарии не было революционеров: единственным исключением является Михаил Константинович Элпидин, участник Казанского заговора 1863 г., а впоследствии продолжатель дела Огарева и Герцена.

4. КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ В 1842–1921 гг.

Становление Казанской духовной академии (1842–1870 гг.)

История Казанской духовной академии (далее: КазДА), самой молодой из всех высших духовно-учебных заведений России, до революции была изучена, пожалуй, лучше, чем любой из трех других академий. Так, период со времени открытия и до 1870 г. (когда был введен в действие новый устав академий) подробно и всесторонне освящен в объемном и очень качественном труде П.В. Знаменского¹³. Этот труд имел похвальные свидетельства как от «внутренних» – то есть, представителей самих духовных академий, так и от «внешних». По выражению В.В. Розанова, юбилейные истории учебных заведений, обычно являются «историями канцелярских дел, подпольных и напольных интриг», а в книге Знаменского «мертвецы восстали из гробов»¹⁴. Именно за этот труд профессор П.В. Знаменский был удостоен от Московского университета звания доктора русской истории, а его книга стала своего рода эталоном истории высшего учебного заведения. Некоторые промежуточные итоги – за первый 25-летний период деятельности Казанской академии после открытия в 1842 г. – подводились профессором И.П. Гвоздевым¹⁵. К полувековому юбилею КазДА был составлен еще один – правда, краткий и не претендующий на научность, очерк ее истории – профессором И.С. Бердниковым¹⁶. Но этот очерк также имеет определенную ценность: не связанный строгими научными рамками, автор дает некоторым событиям и лицам из истории *alma mater* личные оценки. В 1906 г. в VIII томе Православной богословской энциклопедии была опубликована обширная статья К.В. Харламповича о КазДА, которая по объему и содержанию тоже является небольшой монографией довольно высокого научного уровня¹⁷.

Поэтому выделим лишь самые важные, ключевые моменты, проблемы и достижения.

¹³ Знаменский П.В. История Казанской Духовной Академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы): В 3 вып. Казань, 1891–1892.

¹⁴ Цит. по: Розанов В.В. Люди лунного света. Метафизика христианства. М, 2003. С. 208.

¹⁵ Гвоздев И.П. Двадцатипятилетие Казанской духовной академии: историческая записка // ПС. 1868. Т. III. С. 200–211.

¹⁶ Бердников И.С. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за 50 лет ее существования 1842–1892. Казань, 1892.

¹⁷ Харлампович К.В. Казанская духовная академия новая: 1842–1907 гг. // Православная богословская энциклопедия. Т. VIII. СПб., 1907. Ст. 702–853.

Прежде всего, следует обратить внимание на само открытие КазДА в 1842 г. – сильно задержавшееся по сравнению с тремя старшими академиями и «выпадавшее» из реформы начала XIX в. и всей «Александровской» эпохи¹⁸. Основной причиной открытия КазДА – четвертой российской высшей духовной школы – было, с одной стороны, ее упоминание в действующем Уставе духовных академий 1814 г. С другой стороны, восточные епархии Российской империи с их специфическими миссионерскими задачами нуждались в научно-экспертном и учебно-методическом центре, который мог бы заняться централизованным и систематическим развитием миссии в Поволжье и Сибири.

Но обстоятельства создания «новой» Казанской академии уникальны: она была создана буквально на пустом месте, не имея практической преемственности ни со «старой» академией 1797–1818 гг., ни с существующей к 1842 г. Казанской духовной семинарией. При создании новой Казанской академии не использовались ни помещения семинарии, ни ее библиотека, ни один преподаватель Казанской духовной семинарии не был привлечен для работы в академии, и лишь один выпускник Казанской семинарии стал в 1842 г. студентом новой академии.

Почему так получилось? Когда в июне 1842 г. Синод определил, что КазДА должна быть открыта в том же 1842 г.¹⁹, предполагалось использовать для ее размещения именно обширные корпуса Казанской семинарии, а для обеспечения учебного процесса – семинарскую библиотеку. В 1827–1836 гг., когда Казанской епархией управлял святитель Филарет (Амфитеатров), в основном благодаря его заслугам была создана отдельная Симбирская епархия с собственной семинарией. В результате число приходов в Казанской епархии сократилось более чем вдвое. В сокращенной Казанской епархии были открыты три духовных училища, в том числе Казанское – теперь отдельное от семинарии. В результате Казанская семинария, раньше являвшаяся единственным духовным учебным заведением на обширной территории, теперь обеспечивала сравнительно небольшую епархию. Поэтому свободные помещения в семинарии имелись. Но за две недели до опубликования указа об открытии КазДА в Казани произошел страшный пожар, в котором сгорел весь центр города, в том числе и здания Казанской

¹⁸ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 61. Дело об утверждении и открытии Казанской духовной академии. 1842-1844 гг.

¹⁹ Именной, объявленный в ведении Святейшего Синода 30 июня 1842 г. указ «О учреждении в городе Казани Духовной Академии» // ПСЗ II. Т. XVII. Отд. 1. СПб., 1843. № 15803. С. 705.

семинарии, в которых предполагалось разместить академию, и большая часть библиотеки.

Ситуация была чрезвычайно тяжелой, но на этом этапе учреждения и становления новой Казанской академии выдающуюся роль в ее судьбе сыграл архиепископ Казанский и Свияжский Владимир (Ужинский) (1836–1848) – достойный и ученый архипастырь, кроме того, дельный администратор. Устав духовных школ 1814 г. централизовал систему духовного образования и не предусматривал значительной роли местных епархиальных архиереев в управлении духовными академиями, поэтому активное участие преосвященного Владимира в судьбе КазДА было скорее исключением и его личной инициативой. Но если бы не владыка Владимир, то открытие академии в 1842 г. вряд ли состоялось бы.

Правда, для открытия академии не нужны были слишком обширные помещения – в первом наборе было всего 30 студентов, а следующий набор, в соответствии с разделением академий на два двухлетних отделения, предполагался только через два года. В первый год в Казань прибыли лишь около десяти профессоров. Но в условиях, когда сгорело больше половины города, в том числе и кафедральный собор, задача устройства академических начальствующих, учащихся и учащихся была очень сложной. Не следует забывать, что архиепископу, кроме того, надо было позаботиться и о размещении двухсот учащихся и 18 преподавателей сгоревшей семинарии.

В этих условиях архиепископ Владимир принял решение переместить Казанское духовное училище в Свияжск, в Успенско-Богородицкий монастырь, в зданиях училища разместить семинарию, а новую академию разместить в Казанском кремле, в знаменитом Спасо-Преображенском монастыре, основанном святителем Варсонофием Казанским и Тверским в 1555 г. Именно это решение архиепископа Владимира предотвратило отмену решения Синода об открытии академии в 1842 г.

Монастырь еще нужно было готовить, а студенты уже начали прибывать: первый набор в академию производился не по результатам вступительных экзаменов, а по направлению лучших выпускников из духовных семинарий округа – Поволжья и Сибири²⁰. Вскоре стали приезжать и преподаватели. Первоначально они размещались в кремлевском архиерейском доме, «в тесноте, да не в обиде». Здесь же, в архиерейском доме 8 ноября 1842 г. состоялся торжественный акт открытия академии и

²⁰ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 68. Дело о приеме студентов семинарии в состав 1 курса Казанской духовной академии. 1842 г.

начались занятия, но уже к концу 1842 г. преподаватели и студенты перебрались в монастырь. Заметим, если в трех старших академиях Конференция – управляющий орган, отвечавший за развитие духовной учености не только в самой академии, но и во всем округе, – начинала действовать через четыре года после официального открытия академии, при выпуске первого курса, то в КазДА Конференция имела первое торжественное заседание в день открытия самой академии 8 ноября 1842 г.²¹

Архиепископ Владимир (Ужинский) сыграл ведущую роль и в дальнейшей судьбе КазДА: именно его позиция, в значительной мере, определила специфику этой духовной школы. Как известно, и Киевская, и Московская академии находились в монастырях, а Санкт-Петербургская – на территории монастыря. Казанская академия тоже могла бы остаться в Спасо-Преображенском монастыре навсегда – для нее могли быть построены новые корпуса на выделенные Синодом средства. Но архиепископ Владимир выбрал для строительства комплекса академии совсем другое место – на окраине города на Арском поле, причем именно епархиальный архиерей руководил организацией строительных работ. При этом все было организовано совершенно безупречно, ни один рубль не был украден, безупречно велась вся технологическая и финансовая документация²². Первый ректор академии архимандрит Иоанн (Оболенский) был болезненным человеком и слабым руководителем, и архиепископ просто выполнял его работу. Следующий ректор – архимандрит Григорий (Митькевич) – был достойным педагогом, а, впоследствии и достойным архипастырем. Но архиепископ Владимир практически освободил и этого ректора от строительных забот, оставив в его ведении учебный процесс.

К началу 1848/49 уч. г. – еще при преосвященном Владимире (Ужинском) – КазДА разместилась в собственном комплексе зданий, где и находилась до 1917 г. Таким образом, новая академия оказалась единственной, расположенной вне монастырей, причем ближайшие обители располагались не ближе трех-четырех верст. Это в значительной степени определило особенности развития Казанской духовной школы: по сравнению с другими тремя она всегда была обращена в мир, что позже в разных формах проявлялось и в организации учебного процесса, и в направлениях развития

²¹ Знаменский П.В. История Казанской Духовной Академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы): В 3 вып. Вып. 1. Казань, 1891. С. 275.

²² В этом может убедиться любой исследователь, огромное количество чертежей, смет, отчетов, расписок хранится в фондах 408 (Губернская строительная и дорожная комиссия) и 10 (Казанская духовная академия) Национального архива Республики Татарстан.

научных школ, и в повседневной жизни, быте и взаимоотношениях студентов. Но в значительной степени этот выбор был обусловлен изначальной миссионерской задачей академии, а, следовательно, неизбежных контактах с иными вероисповеданиями: в какой еще из академий преподавателями или, по крайней мере, практикантами инородческих языков могли быть мусульмане и буддисты.

Вскоре после открытия КазДА пришлось встать перед еще более сложной задачей, связанной уже с учебным процессом и с самой концепцией академии. С одной стороны, она должна была полностью соответствовать замыслам о высшей духовной школе, сформулированным в процессе реформы 1808–1814 гг., со всей смысловой нагрузкой, то есть, прежде всего, стать центром духовной учености, «Академией наук духовных». Однако, с другой стороны, КазДА должна была исполнять свое предназначение миссионерского центра, организующего и развивающего миссионерскую деятельность Русской Православной Церкви – по крайней мере, на восточных окраинах империи. При этом, так как миссия в XVIII в. понималась преимущественно практически, было не очень понятно, как сочетать решение обеих задач. Так как эту проблему должна была решать, прежде всего, академическая Конференция, весной 1843 г. был сформирован ее полный состав: внешними действительными членами стали представители образованного духовенства Казани – выпускники старших академий, имевшие магистерские и кандидатские ученые степени и опыт преподавания не только в семинариях, но и в академии или университете. Так, в Конференцию были включены ректор Казанской ДС архимандрит Климент (Можаров) – выпускник и магистр СПбДА 1831 г., служивший несколько лет бакалавром в своей родной академии; архимандрит Свяжского монастыря Мартирий (Горбаческий) – выпускник и магистр КДА 1829 г., некоторое время преподававший в СПбДА; протоиерей казанского кафедрального собора Флегонт Талантов – выпускник и кандидат МДА 1820 г., преподававший церковную историю в Казанской ДС и Казанском университете. Кроме того, было решено включить в состав Конференции архимандрита казанского Иоанновского монастыря Даниила (Сивиллова), который, хотя имел лишь семинарское, причем незаконченное духовное образование, но обладал определенным миссионерским опытом: с 1819 по 1821 гг. был членом Пекинской духовной миссии, знал китайский и монгольский языки, в дальнейшем даже преподававший их в Казанском университете.

Так как первую корпорацию КазДА составили выпускники других академий, они были способны учить тому, чему учили их. Но в преподававшейся им системе богословия, как и во всем академическом курсе, место миссионерских дисциплин предусмотрено не было²³. Но уже в январе 1845 г. при содействии профессоров Казанского университета А.К. Казем-Бека и А.В. Попова в академии началось преподавание инородческих языков, хотя внештатно и фрагментарно²⁴. Тем не менее, студенты первых курсов духовных академий привыкли «прыгать выше головы», и даже при таком отрывочном преподавании первый выпуск дал замечательных миссионеров Н.И. Ильминского и А.А. Бобровникова, с именами которых во многом был связан первый этап миссионерской деятельности КазДА.

Да и выпускникам других академий, не связанным своим образованием с миссионерством, но получавшим власть над КазДА или включаемым в ее корпорацию, церковная ответственность помогала понимать специфику этой академии и так или иначе реализовывать ее или, по крайней мере, учитывать в своей деятельности. Так, архиепископ Казанский Григорий (Постников) (1848–1856), окончивший СПбДА, почувствовав архипастырскую ответственность за решение задач Казанской епархии, стал инициатором учреждения в академии в 1854 г. специальных миссионерских отделений. Преосвященный Григорий еще в СПбДА преподавал историю раскола, знал старообрядческие рукописи и книги и понимал, что миссионерскую работу и среди старообрядцев, и среди восточных вероисповеданий (мусульманства, буддизма) можно вести только глубоко изучив их взгляды и традиции. Устав духовных академий 1814 г., в соответствии с которым действовала и вновь открытая Казанская академия, не предусматривал наличия специальных отделений. Но, будучи постоянным членом Синода, архиепископ Григорий добился открытия в 1852 г. в Казанской духовной академии миссионерского отделения с противумусульманским, противобуддистским, противораскольническим и противоязыческим (чувашско-черемисским, через два года был закрыт) направлениями, создания соответствующих кафедр, ставок профессоров и бакалавров и разработки учебных планов и программ. Им же было исходатайствовано у Синода путешествие по Востоку Н.И. Ильминского – для подготовки к преподаванию в этих отделениях²⁵.

²³ Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава православных духовных училищ // ПСЗ I. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25673. § 119–176. С. 922–927; *Филарет (Дроздов)*, архим. Обозрение богословских наук...

²⁴ *Знаменский П.В.* История Казанской Духовной Академии... Вып. 2. С. 328–329.

²⁵ Там же. С. 358–361.

При этом преосвященный Григорий вовсе не собирался преувеличивать миссионерскую составляющую в КазДА в ущерб другим областям богословия. Так, в программе периодического органа академии «Православного собеседника», учрежденного в 1855 г. также по инициативе преосвященного Григория, говорилось, что журнал будет «догматического, герменевтического, исторического, нравственного и критического» содержания. И первые же номера журнала показали, что редакция намерена сочетать переводы и оригинальные статьи по всем областям богословия с материалами миссионерской направленности.

Специализация студентов в рамках миссионерских отделений начиналась со второго курса, причем те, кто специализировался по миссионерскому отделению, освобождались от изучения древних языков и ряда других предметов, вместо них изучались соответствующие языки – арабский, татарский, монгольский, тибетский и др., за три года студенты могли стать квалифицированными специалистами. В 1854 г. в отделениях, кроме соответствующих языков, было введено преподавание миссионерской педагогики, этнографических подробностей, связанных с теми или иными верованиями, и полемику против этих верований²⁶.

Правда, не все планы архиепископа удались. Преосвященный Григорий рассчитывал, что в создании академических востоковедческих школ поможет Восточный разряд Казанского университета, на котором в это время работали такие крупные ученые, как исламовед, арабист и специалист по персидскому языку А.К. Казем-Бек, монголовед О.М. Ковалевский и другие. Но в 1854 г. Восточный разряд был переведен в Санкт-Петербургский университет и все профессора покинули Казань. В результате собственные востоковедческие научные школы в Казанской духовной академии формировались самостоятельно. Таким образом, Казань, правда, без преемственности, вплоть до 1917 г. осталась единственным за пределами Санкт-Петербурга и Москвы (в Москве действовал известный Лазаревский институт восточных языков) центром востоковедения, а в научном изучении ислама и буддизма занимала первое место в России. Не случайно именно в Казанской академии Гордием Семеновичем Саблуковым был выполнен первый научный перевод Корана на русский язык. Этот перевод и сейчас считается одним из лучших, во всяком случае, с богословских позиций. Переводилась богослужебная и катехизическая литература на инородческие языки: начавшись по практической необходимости, эти переводы открыли перед академической

²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 141. Д. 1042. Л. 41-44.

наукой широкий простор для исследований²⁷. Труды казанских академических исламоведов, арабоведов и татароведов, свободно владевших арабским и татарским языками, Н.И. Ильминского, Е.А. Малова, М.А. Машанова, монголоведа и буддолога А.А. Бобровникова и сейчас остаются востребованными в науке.

В конце 1840-х – 1860-х гг. в духовных школах происходил постепенный переход от привычного в первой половине XIX в. «рассуждения» к собственно исследованию конкретной научной проблемы. Процесс был очень непростым, так как требовалось по-иному определять темы работ, выделять научную проблему, требующую изучения, применять иные методы, интерпретировать результаты, иногда входившие в противоречие с устоявшимися мнениями. КазДА отчасти было легче преодолеть этот рубеж, чем другим академиям, ибо метод сравнительного анализа практически с первых лет деятельности академии применялся в изучении вероисповедных и нравоучительных особенностей мусульманства и буддизма. Так, уже выпускник I курса академии А.А. Бобровников (1846) писал по особому благословию ректора академии архимандрита Григория (Митькевича) (1844–1851) выпускное сочинение по морали в буддизме: «О различии между христианским и буддийским учением о любви к ближним»²⁸. В 1849 г. архиепископ Казанский Григорий (Постников) дерзнул дать миссионерские темы для выпускных работ. Это оказалось плодотворным направлением, причем миссионерские работы нередко оказывались гораздо серьезнее, чем чисто богословские – было легче перейти от «рассуждения» к анализу. За полтора десятка лет были разработаны полемико-методологические подходы, представлен ряд серьезных исторических, филологических, критических исследований мусульманства – в дальнейшем они были опубликованы в «Миссионерском противомусульманском сборнике».

Еще одним деянием архиепископа Григория (Постникова), обусловившим основные направления дальнейшей научной деятельности новой духовной школы, стало обретение академией знаменитой Соловецкой библиотеки.

Во время Крымской войны, когда Соловецкий монастырь подвергался обстрелам англо-французской эскадры и существовала угроза его оккупации, богатейшая библиотека Соловецкого монастыря была эвакуирована. Владыка

²⁷ Бердников И. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за 50 лет ее существования 1842-1892. Казань, 1892. С. 22-23.

²⁸ Знаменский П.В. История Казанской Духовной Академии... Вып. 2. С. 331–332.

Григорий, являвшийся постоянным членом Синода, добился в Синоде в 1854 г. передачи Соловецкой библиотеки, содержащей тысячи рукописей и печатных книг, в Казанскую духовную академию, при этом обратное возвращение в монастырь не предполагалось. Он имел в виду, прежде всего, интересы противораскольнического отделения академии – в библиотеке Соловецкого монастыря было большое количество старых, дониконовских богослужебных книг²⁹.

Но Соловецкая библиотека обусловила развитие в Казанской духовной академии не только расколоведения, но и целого ряда намного более важных наук и дисциплин. Наличие такого книжного богатства, в принципе, поставило студентов и преподавателей Казанской академии в равные условия научной деятельности с Киевской и Московской, имевших богатые собрания книг и рукописей. Издание описания рукописей и книг Соловецкой библиотеки растянулось на десятки лет. Этим занимались студенты и молодые преподаватели, формируя свои научные интересы. Уже во второй половине 1850-х гг. у А.П. Щапова занятия с рукописями определили интерес к российской гражданской истории, у П.В. Знаменского и И.М. Добротворского – к русской церковной истории, у И.Я. Порфирьева, А.В. Попова – к изучению древнерусской словесности, в том числе акафистов, у Н.Ф. Красносельцева и А.А. Дмитриевского – к литургике, у Д.В. Гусева, Л.И. Писарева, П.П. Пономарева – к патрологии, у А.В. Вадковского (будущего митрополита Антония) – к гомилетике, А.С. Павлова и его ученика И.С. Бердникова – к церковному праву. Наличие в Соловецкой библиотеке славянских текстов церковно-правовых памятников подтолкнуло ректора академии архимандрита Иоанна (Соколова) к началу масштабной работы по переводу на русский язык Деяний Вселенских соборов. На основе рукописей Соловецкой библиотеки в Казанской академии были осуществлены переводы на русский язык Стоглава, других русских церковных соборов, давших толчок развитию казанской школы церковного права.

По соловецким рукописям учеными Казанской академии было опубликовано большое количество памятников древнерусской письменности: «Просветитель» Иосифа Волоцкого, сочинения Максима Грека, Вассиана Патрикеева, Кирилла Туровского; поучения Серапиона Владимирского, Кирилла Ростовского, митрополита Фотия; послания митрополита Киприана, епископа Дионисия Суздальского, Епифания

²⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 7. Д. 21421, 21542. 1858 г.

Премудрого, Дмитрия Герасимова, старца Филофея, кн. А.М. Курбского, Паисия Ярославова; жития многих русских святых – Авраамия Смоленского, Антония Римлянина, Леонтия и Исаии Ростовских, Трифона Печенгского, Никодима Кожеозерского, Елеазара Анзерского, царевича Петра Ордынского и др, почти все эти публикации и до сих пор остаются либо единственными, либо, следующие публикации, дореволюционные и постсоветские выполнялись в точном соответствии с первыми, подготовленными сотрудниками академии.

Казанская духовная академия была самой молодой в России, но это, как оказалось, вовсе не означает, что она была малозначительной и малопрестижной. Уже примерно через 10 лет после создания Казанская академия встала вровень с другими по большинству параметров. При этом среди выпускников академии были не только талантливые миссионеры, богословы, но и лица, имевшие интерес ко всем областям науки. Так, выпускник КазДА 1852 г. (IV курс) Иван Первушин выделялся среди однокурсников математическими способностями и интересом. Окончил он академию кандидатом богословия без особых прав (19-м из 22-х по разрядному списку), но, приняв священный сан и став сельским священником, продолжал усердно заниматься математикой³⁰. Конечно, такие интересы не совсем точно отвечали главному предназначению духовной школы, но возбуждение интереса в науке, вне всякого сомнения, можно поставить академии в заслугу.

Но все же, несмотря на успехи, с деятельностью КазДА было связано немало проблем: некоторые из них выявляли специфику КазДА, другие были общими с остальными академиями.

Главной из специфических казанских проблем было сочетание миссионерской подготовки с общим развитием «духовной учености»: эта задача так и не была решена на системном уровне, что проявилось уже при ректорстве архимандрита Иоанна (Соколова) (1857–1864). Магистр МДА (1842), имевший опыт инспекторства в столичной академии, удостоенный в 1853 г. редкой в те годы степени доктор богословия за учебник по церковному законоведению, архимандрит Иоанн (Соколов) всячески способствовал развитию в КазДА богословской учености и повышению

³⁰ Священник Иоанн Первушин занимался теорией чисел – простыми числами. В 1877–1878 гг. он представлял свои исследования в Академию наук, где они были признаны полезными и интересными. В 1893 г. он отправил доклад на математический конгресс в Чикаго, затем решил задачу, предложенную Неаполитанской академией (см.: *Рябухин В. И.* Новые документы о И. М. Первушине // На Западном Урале. Пермь, 1974. Вып. 6. С. 267–271; *Тимофеев В. П.* Священник-математик Иван Михеевич Первушин. Шадринск, 1996).

уровня «Православного собеседника». Так, с 1858 г. журнал КазДА стал выходить ежемесячно, его содержание стало более живым и увлекательным для читателей. Но обширность миссионерских курсов вызывала недовольство отца ректора – ему казалось, что эта составляющая мешает развитию основного богословского образования и уводит лучшие силы из основных областей богословской науки³¹. Архимандрит Иоанн, исходя из неприятия миссионерской специфики академии и других соображений, попытался по собственному разумению провести внутреннее реформирование учебного процесса КазДА: перевести некоторые дисциплины из высшего отделения в низшее и наоборот, переместить преподавателей с одного предмета на другой. Так, бакалавр Н.И. Ильминский, специально подготовленный к преподаванию миссионерских дисциплин и своей «восточной» командировкой, и личными ревностными усилиями, был переведен на преподавание математики. Это привело к потере для академии талантливому ученого: Н. И. Ильминский покинул академию и перешел в местный университет. Кроме того, отец ректор попытался применить ректорскую власть к реализации той линии развития академии, которую сам считал правильной: в частности, волевым решением распределять темы выпускных диссертаций, направляя лучших по разрядному списку студентов в наиболее важные, с его точки зрения, области «учености». Приказная система, доселе не применяемая в КазДА при выборе темы выпускной работы, вызвала общее недовольство.

Во время ректорства архимандрита Иоанна случилось и еще одно событие, ставшее серьезной коллизией для академии: участие студентов и некоторых преподавателей 16 апреля 1861 г. в панихиде по крестьянам с. Бездны, убитым в результате спровоцированного бунта³². В служении панихиды принимали участие два священнослужителя, имевших отношение к академии: священник А. Яхонтов – вольнослушатель академии – и иеродиакон Мелетий (Якимов) – студент старшего отделения. Бакалавр академии А.П. Щапов в слове памяти «друзей, нечеловеколюбиво убиенных», говорил о том, что «учение Христа демократическое, и что умер Он за свободу, как умирают теперь наши братья труженики...» и что «скоро настанет минута освобождения России». Расследование, предпринятое в академии командированными туда архимандритом московского Данилова монастыря Иаковом (Кротковым) и обер-секретарем Святейшего Синода

³¹ Знаменский П.В. История Казанской Духовной Академии... Вып. 1. С. 161.

³² НА РГ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2047. Об участии студентов академии в панихиде, совершенной 16 апреля по убитым в селе Бездне крестьянам.

Н.И. Олферьевым, выявило множество других недостатков и нарушений «порядка и благочиния»³³. Ревизия выявила и отсутствие понимания между ректором и профессорско-преподавательской корпорацией: преподаватели подали коллективную жалобу на архимандрита Иоанна, последний, давая комментарии на эту жалобу, выдвинул обвинения против преподавателей. Отчет о произведенном дознании и жалоба преподавателей с комментариями ректора были переданы на заключение святителю Филарету (Дроздову), и святитель присоединился к мнению, высказанному архиепископом Казанским Афанасием (Соколовым) о состоянии академии: желательно «дать ей другого начальника»³⁴. Наконец, 16 сентября 1861 г. был издан указ Синода, согласно которому священник А. Яхонтов отсылался в Соловецкий монастырь для вразумления «к исправлению образа мыслей его и нравственных расположений»; иеродиакон Мелетий – в посольский Спасо-Преображенский монастырь Иркутской епархии для участия в миссионерских трудах, семеро студентов исключались из академии, остальные участники панихиды выпускались из академии во 2-м разряде, с возможностью получить заслуженную ученую степень – кандидата или магистра – через год. А.П. Щапов, уволенный из академии и препровожденный через два дня после панихиды под арестом в Петербург³⁵, был взят на поруки министром внутренних дел П.А. Валуевым и определен чиновником по раскольничьим делам в Министерство внутренних дел. Во время пребывания в Петербурге к нему стекались многочисленные почитатели, в том числе студенты семинарий и даже академий³⁶.

Архимандрит Иоанн, однако, несмотря на мнение преосвященного Афанасия, не был смещен с ректорства, а пребывал на ней еще три года. В течение этих трех лет архимандрит Иоанн мало участвовал в жизни академии, однако еще раз заявил себя в качестве канониста: им была составлена знаменитая статья о монашестве епископов³⁷. Статья была прокомментирована и в целом одобрена святителем Филаретом (Дроздовым)³⁸ и «выправила» положение автора: он был награжден

³³ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: В 5 т. Т. IV. СПб., 1887. С. 54–55; Т. V. Ч. 1. СПб., 1888. С. 95–106.

³⁴ Там же. С. 107–112.

³⁵ НА РГ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2048. Об отправлении по особому распоряжению бакалавра Щапова в Санкт-Петербург. 18 апреля 1861 г. Л. 1–4.

³⁶ *Ключевский В. О.* Письма к П. П. Гвоздеву. (1861–1870 гг.). М., 1924. С. 67, 128.

³⁷ *Иоанн (Соколов), архим.* О монашестве епископов // Православный собеседник. 1863. Т. I, II.

³⁸ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского... Т. V. Ч. 1. С. 414–417; Ч. 2. С. 502–503.

наперсным крестом от императора Александра II, а определением Синода от 31 марта 1864 г. переведен на должность ректора в столичную духовную академию.

Преемник архимандрита Иоанна в КазДА – архимандрит Иннокентий (Новгородов) – был выпускником и магистром КДА (1851), но для Казани уже давно не чужим: с 1854 г. он преподавал в Казанской ДС, с 1855 г. был ее ректором, входил в качестве внешнего действительного члена и в академическую Конференцию. В статусе ректора академии архимандрит Иннокентий действовал очень старательно и активно, много занимался делопроизводством и строительством академических зданий. В учебной части архимандрит Иннокентий, с одной стороны, всячески усиливал дисциплину и строгое исполнение всех полагающихся мероприятий: репетиций, повторений и пр. С другой стороны, отец ректор попытался усилить богословско-церковную направленность академии. Так, в лекциях по словесности он требовал перенести акцент на церковное красноречие вместо изучения студентами «множества пустых и бесплодных видов и произведений светской литературы во всей их обширности», задавать студентам разборы словесных произведений не светских авторов, а святых отцов, в том числе, еще не переведенных на русский язык³⁹. Заметим, что эти требования основывались на личных убеждениях о. Иннокентия, но вписывались и в общие тенденции этих лет: так, в 1857 г. святитель Филарет (Дроздов), отвечая на запрос обер-прокурора А.П. Толстого о желательных изменениях в высшей духовной школе, обращал внимание на необходимость обращать преимущественное внимание на церковную словесность, особенно важную для будущих пастырей и богословов⁴⁰. Кроме того, о. Иннокентий попытался восстановить миссионерское направление как особую специализацию, вновь пригласив перешедшего в университет Н.И. Ильминского преподавать арабский и татарский языки, выпускника академии 1862 г. Е.А. Малова – противомусульманскую полемику. Выпускник СПбДА В.В. Миротворцев, определенный на преподавание всеобщей гражданской истории, был поставлен преподавать монгольский язык, который он изучал еще в родной Иркутской семинарии, затем – в Санкт-Петербургском университете⁴¹. В младшем отделении изучали противомусульманское

³⁹ Знаменский П.В. История Казанской Духовной Академии... Вып. 1. С. 238-239.

⁴⁰ Записки святителей Иннокентия (Борисова) и Филарета (Дроздова) о духовных школах / Публ., вступ. ст. и примеч. Н. Ю. Сухой // Филаретовский альманах. Вып. 6. М., 2010. С. 78.

⁴¹ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2255. Об определении преподавателя турецко-татарского языка в университете Ильминского преподавателем арабско-татарского языка при академии, а наставника Казанской ДС Малова преподавателем по противомусульманской полемике, и об определении практиканта

направление, в старшем – противораскольническое. Преподавание предметов противобуддистского направления было сохранено без дополнительного разрешения высшего начальства. В ходатайствах приводились вполне определенные аргументы: «если только Церкви нужны *профессиональные* знатоки восточных языков и миссионеры с *реальными* знаниями» [курсив мой – Н.С.]⁴²

Еще одним направлением академической деятельности, которое архимандрит Иннокентий поставил под свой строгий контроль – публикации в «Православном собеседнике». Он усердно правил практически каждую статью, причем главной своей задачей считал избавление от иностранных слов. Это стремление тоже вполне соответствовало неоднократным указам Синода, призывавшим учащих и учащихся духовных академий не употреблять в ученых сочинениях и выпускных работах иностранных слов без излишней надобности. Но архимандрит Иннокентий в этой устремленности иногда вовсе не усматривал этой надобности. Так, он вымарывал из статей и лекционных конспектов слова «религия», «комиссия», «лекция», «экзамен» и пр., стараясь найти им русские эквиваленты, устоявшееся в русском языке именование европейского богословского направления «пиетистов» заменял на «набожников».

Но так как сам о. Иннокентий не занимался учеными изысканиями, научное направление академии задать он вряд ли мог. Этим более интересовался новый архиепископ Казанский Антоний (Амфитеатров) (1866–1879) – доктор богословия, получивший ученую степень в 1848 г. за знаменитый курс догматического богословия⁴³. Особенно внимательно к академии преосвященный Антоний стал относиться после проведенной им в 1868 г. ревизии.

Архимандрит Иннокентий скончался на посту ректора в мае 1868 г., а его преемником и последним ректором КазДА до преобразования по новому Уставу стал архимандрит Никанор (Бровкович) – выпускник СПбДА, преподававший в ней, в числе прочего, историю и полемику с расколом, поэтому не чуждый миссионерской проблематике. Именно этому ректору в 1869 г. по ходатайству Конференции КазДА была присуждена Синодом высшая ученая степень – доктора богословия – за сочинение о католическом

по татарскому языку Тимофеева; Там же. Д. 2259. Об определении окончившего курс воспитанника Миротворцева преподавателем монгольско-калмыцкого языка в КазДА.

⁴² РГИА. Ф. 796. Оп. 141. Д. 1042. Л. 71-97; Там же. Ф. 802. Оп. 7. Д. 22076. Л. 1-12.

⁴³ Антоний (Амфитеатров), архим. Догматическое богословие Православной Кафолической Восточной Церкви, с присовокуплением общего введения в круг богословских наук. Киев, 1848.

учении о видимом главенстве в Церкви⁴⁴. Предложение о присуждении этой степени было выдвинуто архиепископом Казанским Антонием (Амфитеатовым), он же, как доктор богословия, дал отзыв о соответствии исследования искомой степени. Отзывы от Святейшего Синода были представлены протопресвитером Василием Бажановым и протоиереем Михаилом Богословским, и 17 октября 1869 г. последовало утверждение отца ректора в докторской степени. В связи с присуждением докторской степени автор исправил, дополнил и переиздал свое сочинение⁴⁵.

Архимандриту Никанору выпала и доля преобразования академии по новому Уставу, принятому в 1869 г. и введенному в КазДА в следующем году, при выпуске очередного XIII курса.

Казанская духовная академия в 1870–1900 гг.

Следующему периоду истории академии с 1870 (преобразование по новому Уставу) по 1892 г. (празднование 50-летнего юбилея) посвящено сочинение С.А. Терновского⁴⁶. Хотя это исследование не отличается столь высокими научными достоинствами, но по подробности и информативности не уступает упомянутой в предыдущем разделе работе Знаменского. Кроме того, этот период захватывает и записка И.С. Бердникова⁴⁷.

Еще 24 января 1867 г. обер-прокурор Святейшего Синода гр. Д. А. Толстой предложил конференциям духовных академий представить свои «соображения о желательных переменах в существующем устройстве духовных академий в учебном, воспитательном и хозяйственном отношениях»⁴⁸. Конференция КазДА представила проект большинства членов Конференции, подписанный 10 мая 1867 г. священником Богородицкого монастыря архимандритом Мартирием, ректором Казанской ДС архимандритом Варсонофием, инспектором КазДА архимандритом Вениамином, протоиереем В. Вишневым, протоиереем Ф. Талантовым, профессорами Н.П. Соколовым, И.Я. Порфирьевым, И.П. Гвоздевым. Однако

⁴⁴ *Никанор (Бровкович), архим.* Разбор римского учения о видимом главенстве в Церкви, сделанный на основании Священного Писания и Предания первых веков христианства: В 2 т. СПб., 1856–1858.

⁴⁵ *Он же.* Разбор римского учения о видимом (папском) главенстве в церкви, сделанный на основании Св. Писания и предания первых веков христианства до I вселенского собора (включительно). Казань, 1871.

⁴⁶ *Терновский С.А.* Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования: 1870–1892. Казань, 1892.

⁴⁷ *Бердников И.С.* Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за 50 лет ее существования 1842–1892. Казань, 1892.

⁴⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 37 (отд. 1, ст. 2). Д. 1. Л. 1.

трое последних и присоединившиеся к ним профессора М.Я. Красин и П.В. Знаменский в некоторых вопросах не согласились с этим проектом, но «за краткостью времени» свое отдельное мнение не представили в письменной форме⁴⁹.

Авторы проекта предполагали сохранить все науки, заложенные в академиях Уставом 1814 г. и добавленные впоследствии, кроме библейской истории и пастырского богословия⁵⁰. Предлагалось сохранить разделение наук на классы, введенное Уставом 1814 г., но с учетом произошедшего развития наук: для наук богословского класса отвести 10 кафедр, а в составе небогословских выделить лишь особые части. В результате получалось 18 кафедр, не считая новых языков: 1) Священное Писание (история священного канона и текста, исагогика, герменевтика и экзегетика); 2) апологетика; 3) догматическое богословие; 4) обличительное богословие; 5) нравственное богословие; 6) педагогика; 7) церковная история; 8) церковные древности; 9) еврейский; 10) чтение о русском расколе; 11) каноническое право; 12) история церковной словесности (гомилетика и патристика); 13) курс философских наук (введение в философию, логика, психология, метафизика, история философии, нравственная философия); 14) словесные науки (литературная эстетика, история общей словесности, история русской словесности в связи с историей русского и славянского языка и славянской палеографией) 15) всеобщая и русская гражданская история с историей языческих религий; 16) физико-математические науки (алгебра, тригонометрия, аналитическая геометрия, опытная физика, физическая география); 17) греческий язык; 18) латинский язык и – без особой кафедры – новейшие языки.

При этом в проекте выделялись три основных задачи планируемого преобразования академий: 1) расширение объема и установление «ученого» метода богословских и церковно-исторических наук; 2) расширение преподавания общеобразовательных наук, необходимых для всестороннего и основательного изучения богословия, 3) совершенствование приготовления преподавателей по всем предметам семинарского курса. Никаких замечаний о разделении предметов учебного курса на обязательные и необязательные не

⁴⁹ Свод мнений Конференций всех духовных академий хранится в архивном фонде Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, в деле о преобразовании академий 1869 г.: РГИА. Ф. 797. Оп. 37 (отд. 1, ст. 2). Д. 1. Л. 109–120 об. Свод был напечатан: Северная почта. 1867. № 143–146. Текст «соображений» большинства членов Конференции КазДА: РГИА. Ф. 797. Оп. 37 (отд. 1, ст. 2). Д. 1. Л. 64–108; Христианское чтение. 1867. Ч. II. С. 610–648, 817–848.

⁵⁰ Аргументы: библейская история дублирует в ключевых своих моментах чтения о Священном Писании и метафизику, пастырское богословие надо присоединить к педагогике или к нравственному богословию, гомилетику и патристику соединить в историю христианской словесности.

делалось, для всех студентов предлагался полный учебный курс, без какого-либо выбора. Однако в проекте была высказана интересная мысль о специализации академий: каждая академия, несмотря на общецерковное значение, может иметь и свою специфическую задачу, которая не умаляет, а повышает ее общецерковное значение. Исходя из этого принципа, можно было бы ввести некоторое разнообразие в состав предметов разных академий. Для удержания в КазДА миссионерских предметов, Конференция предлагала исключить из круга наук этой академии всеобщую гражданскую историю и физико-математические науки, а преподавателей в семинарии Казанского округа по этим наукам брать из МДА. Однако при этом в проекте предлагалось расширить палитру ученых степеней, присуждаемых духовными академиями, предоставив им право присуждать ученые степени магистра и доктора философии. Конференция КазДА пыталась разработать особую систему подготовки преподавателей духовных академий, то есть, оставлять лучших студентов на год профессорскими стипендиатами, следуя примерам университетов.

Хотя в Комитет при Святейшем Синоде, составлявший итоговый проект Устава, были включены от академий только представители СПбДА, на завершающем этапе была осознана эта ущербность Комитета и весной 1869 г. на его заседания были приглашены прибывшие на празднование 50-летия Петербургского университета ректор МДА протоиерей Александр Горский и профессор КазДА Н.П. Соколов⁵¹. Н.П. Соколов был старейшим членом корпорации КазДА, ценившим традиции и достижения старых академий и считавшим Устав 1814 г. жизнеспособным и требующим лишь незначительной корректировки. Тем не менее, он «сумел расположить к себе обер-прокурора Синода графа Д.А. Толстого» – главного «двигателя» проводимой реформы – тем, что предложил перевести на русский язык сочинение последнего о католицизме. Н.П. Соколов участвовал и в составлении окончательного варианта учебного плана, соответствующего новому Уставу.

Ключевой идеей нового Устава была специализация, она проводилась на всех уровнях образования: первые три курса студенты должны были обучаться в отделениях (богословском, церковно-историческом или церковно-практическом), сохраняя лишь несколько общеобязательных дисциплин: Священное Писание обоих Заветов, основное богословие и все

⁵¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 37. 1 отд., 2 ст. Д. 1. 1867–1869 гг. Л. 360–360 об; *Знаменский П.В.* История Казанской духовной академии... Вып. 2. С. 22–26, 293–294.

философские предметы. На старшем 4-м курсе для выбора предлагались группы предметов (3-4; в 1874 г. было официально утверждено восемь таких групп), по которым студенты готовились к магистерскому экзамену и преподаванию в семинариях. Разделялись кандидатский и магистерский уровень научно-педагогической специализации: 3-й курс завершался кандидатской диссертацией, на 4-м писалась магистерская⁵². При этой устремленности к специальному образованию можно было бы ждать и поощрения в КазДА миссионерской специализации, зарекомендовавшей себя еще на предшествующем этапе. Однако вышло совсем наоборот: универсальный для всех академий Устав, как казалось авторам реформы, не допускал никакой специфики, закрепленной законодательно. И, несмотря на особое ходатайство Казанского архиепископа Антония, КазДА было отказано в особом миссионерском отделении⁵³. В Уставе была допущена возможность введения «в случае нужды» дополнительных, особых предметов, с благословения Синода, но на епархиальные средства (§ 115). При этом преподаватели таких особых предметов не имели прав и льгот, установленных для штатных наставников, что, разумеется, делало преподавание «епархиальных» дисциплин менее привлекательным.

Устав 1869 г. упразднил в академиях физико-математические науки, несмотря на попытки некоторых архиереев защитить «академическую» физику и математику – в надежде развития естественно-научной апологетики и в опасении принимать в семинарии в качестве преподавателей по этим дисциплинам выпускников университетов. Однако взамен двух упраздненных Уставом были введены восемь новых кафедр: вторую кафедру по Священному Писанию, по основному богословию, метафизике, русской церковной истории (отдельно от гражданской), библейской археологии, библейской истории, второй кафедры по гражданской истории (новой), русскому языку и славянским наречиям. Особые преподаватели были назначены для гомилетики с пастырским богословием и для церковной археологии с литургией.

В КазДА новый Устав был введен с начала 1870/71 уч. г.⁵⁴ Преобразование академии было начато ректором архимандритом Никанором (Бровковичем), он же совершил первый учебный год по новому Уставу. Но в

⁵² Про духовно-учебную реформу 1869 г. и ее основные положения подробнее см. статью этого диска: *Сухова Н.Ю.* Духовные школы и духовное просвещение в России (XVII – начало XX века). М., 2014.

⁵³ РГИА. Ф. 797. Оп. 37 (отд. 1, ст. 2). Д. 1. Л. 363.

⁵⁴ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6232. О введении в КазДА нового Устава для академий, утвержденного 30 мая 1869 г. 11 л.

мае 1871 г. о. Никанор был утвержден епископом Аксайским, викарием Донской епархии, и его преемником стал протоиерей Александр Поликарпович Владимирский – первый по списку магистр I курса КазДА (1846), преподававший четыре года по окончании в самой академии, а затем на протяжении 21 года – в Казанском университете в статусе профессора богословия⁵⁵. О. Александр занимал ректорскую должность вплоть до 1895 г., став в истории КазДА первым и последним белым священником на ректорском посту.

После перераспределения наличных преподавателей по новым кафедрам оказалось девять праздных кафедр, и сложности при их замещении были неизбежны⁵⁶. Советом академии было решено привлечь к преподаванию талантливых выпускников последних лет, подвигающихся в семинариях, и максимально использовать курс, окончивших академию в год преобразования. С этого курса на вакантные кафедры были избраны шесть первых по списку выпускников: Федор Курганов, Дмитрий Гусев, Александр Вадковский, Михаил Богословский, Николай Остроумов и Николай Красносельцев⁵⁷.

Кафедры удалось заместить, однако при этом не могла быть соблюдена идея нового Устава – подготовка и использование специалистов, действовали, как и прежде, практически без учета научных интересов кандидата. Так, попавший на кафедру церковной археологии и литургики выпускник КазДА 1870 г. Н.Ф. Красносельцев писал выпускное магистерское сочинение по миссионерской теме. Однако это не помешало ему в дальнейшем стать одним из лучших русских литургистов и церковных археологов, начинателей нового направления – исторической литургики. Но даже в экстремальных условиях некоторым выпускникам удалось попасть на кафедры, отвечавшие их научным интересам. Так, однокурсник Красносельцева Н.П. Остроумов во время обучения в академии проявлял особую ревность к миссионерским наукам и был рекомендован Н.И. Ильминским, покинувшем академию, в качестве своего преемника.

Наибольшие трудности были связаны с замещением кафедры русского языка и славянских наречий. В первые пореформенные годы КазДА приглашала университетских преподавателей М.П. Петровского, И.А.

⁵⁵ ПЗС КазДА за 1871 год. Казань, 1872 г. С. 246, 256.

⁵⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1869 г. Д. 53. Л. 1-18; Там же. 1870 г. Д. 54. Л. 1-14; *Терновский С.А.* Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии... С. 82-90.

⁵⁷ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6222. По определению на должность доцентов КазДА Н. Остроумова, Я. Богородского, А. Гусева, А. Вадковского, Ф. Курганова, Н. Красносельцева.

Снегирева и И.А. Будуэна-де-Куртенэ, но и в самом Казанском университете в эти годы была проблема со специалистами по языкознанию: они часто менялись, отлучались за границу с ученой целью⁵⁸. Ситуацию надо было решать своими силами, поэтому в 1878 г. кандидат-магистрант академии А.А. Царевский был отправлен на два года в Петербургский и Московский университеты. Он слушал лекции лучших славистов – Ф.И. Буслаева, А.Ф. Бычкова, И.С. Тихонравова, В.И. Ламанского, А.Е. Викторова – и работал в архивах и библиотеках под их руководством. Так как в КазДА некому было оценить уровень подготовленного кандидата, диссертацию на право чтения лекций (*pro venia legendi*) на тему «Палеографико-филологическое описание Хиландарского паремийника» Царевский защитил в МДА, там же прочитал две пробных лекции⁵⁹. Таким образом, академия получила подготовленного специалиста.

Как и следовало предполагать, серьезные проблемы возникли с сохранением миссионерских дисциплин. Несмотря на хлопоты Совета КазДА и архиепископа Антония (Амфитеатрова), дело решил указ Святейшего Синода от 24 июня 1870 г.: миссионерское отделение было ликвидировано, а миссионерские предметы оставались в качестве необязательных. Студенты, слушавшие миссионерские предметы, не могли специализироваться по ним на выпускном курсе; преподаватели этих наук, не принадлежа ни к какому отделению, не имели своего представительства в Совете академии. Миссионерские кафедры имели опору только в кафедральных средствах и энтузиазме конкретных лиц, и ждать научного развития при таких условиях не приходилось. Преподавание противобуддистских предметов продолжалось лишь до конца 1870/71 уч. г., противомусульманская кафедра действовала, но и здесь были потери: как уже было сказано, академию вновь покинул Н.И. Ильминский, в лице которого академия потеряла не только талантливого ученого, но и перспективного методолога⁶⁰. Тем не менее, интерес к миссионерскому делу в эти годы не только не упал, но даже возрос, особенно в поволжских епархиях: практика церковной жизни требовала основательного изучения источников и истории мусульманства и буддизма,

⁵⁸ Там же. Д. 6435. Об увольнении временного преподавателя славянских наречий в Академии Мемнона Петровского. 1872 г. Л. 1-4; Там же. Л. 6436. О временном замещении кафедры русского языка и славянских наречий в КазДА учителем 2-й Казанской гимназии Иваном Снегиревым. 1872 г. Л. 1-17; Там же. Д. 6559. О допущении к преподаванию в 1873/74 уч. г. славянских наречий учителя 2-й Казанской гимназии Ивана Снегирева. 1873 г. Л. 1-5.

⁵⁹ *Терновский С.А.* Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии... С. 85-86, 462-465.

⁶⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1870 г. Д. 62. Л. 1-15; ПЗС КазДА за 1870 г. Казань, 1871. С. 6-7; *Терновский С.А.* Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии... С. 29-31.

знания современного состояния их вероучений, новых методик ведения церковной миссии. Ущербность академической работы требовала перенесения акцента на вне-академическую деятельность, прежде всего, – на работу Братства святого Гурия, учрежденного в Казани в 1867 г. К Братству была присоединена Центральная крещено-татарская школа, учрежденная еще в 1864 г., Учительская семинария, учрежденная в 1872 г., переводческая комиссия, учрежденная в 1875 г. Инициатором, организатором и вдохновителем православно-просветительской деятельности среди инородцев был Н.И. Ильминский, при решении вопросов, связанных с миссией среди раскольников, привлекался профессор-расколовед КазДА Н.И. Ивановский⁶¹. Но необходимость в систематическом научном и учебном развитии миссионерских направлений, которое можно было осуществить лишь в стенах высшей духовной школы, ощущалась весьма остро.

Яркую сторону Устава 1869 г. составляла деятельность систему научно-богословской аттестации: публичные защиты магистерских и докторских диссертаций, сами исследования, проводимые с применением научно-критических методов, вызывали много вопросов, а нередко создавали в академической жизни настоящие коллизии. Так, в 1873 г. и КазДА встретила с неоднозначной оценкой докторского сочинения профессора П. В. Знаменского «Приходское духовенство в России со времени реформы Петра»⁶². Мнению рецензентов и Совета КазДА о несомненном достоинстве сочинения было противопоставлено представленное в Синод особое мнение архиепископа Казанского Антония (Амфитеатрова). Архиепископ Антоний не приветствовал новый способ церковно-исторического исследования, ярко реализованный в диссертации П.В. Знаменского: полное беспристрастие в изложении фактов, почерпнутых из источников⁶³. Более того, преосвященный указывал на несоответствие сочинения искомой *богословской* степени: автор исследования обращал внимание более на «случайности», временные черты служения приходских пастырей, не замечая «собственно *богословской* стороны», проявления «высшего промысла Главы Церкви», «перста, при всей путанице внешних условий, ведущего, однако же,

⁶¹ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6345. О командировке в г. Свяжск экстраординарного профессора Н. Ивановского для увещания раскольницы. 1871 г.; Там же. Д. 6573. Объявление благодарности профессору Н. Ивановскому от архиепископа Казанского за собеседование со старообрядцами. 1873 г. и др.

⁶² *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1872.

⁶³ ПЗС КазДА за 1873 год. Казань, 1874. С. 16-17, 73–85, 135–146, 196; *Харламович К.* Историк-художник Предисловие к изданию: *Знаменский П.В.* Приходское духовенство на Руси. СПб., 2003. С. 13–14.

Церковь более или менее успешно к цели»⁶⁴. Коллизия разрешилась благополучно для диссертанта: он был не только возведен, но и утвержден Синодом в искомой степени, но вопрос о методе церковной истории остался открытым,

В 1874 г. в КазДА состоялся и первый магистерский диспут: приват-доцент при кафедре метафизики П.А. Милославский защищал диссертацию, посвященную языческому учению о переселении душ и его проявлении в первые века христианства. Критические замечания к диссертации не могли затмить главного, с точки зрения оппонента – профессора В.А. Снегирева – достоинства работы, знаменательного для эпохи: применения нового метода разработки богословия, способного «вливать в богословскую науку дух и жизнь и сообщить ей общечеловеческий интерес»⁶⁵.

Необходимо сказать несколько слов и о периодическом органе КазДА и его приложениях. С 1869 г. было возобновлено печатание толкований блаженного Феофилакта Болгарского на новозаветные книги Священного Писания, публиковались и памятники древне-русской письменности. Редакция продолжала и издание церковно-исторических документов: была завершена публикация «Деяний Вселенских Соборов», изданы «Деяния девяти Поместных Соборов». Имея 15-летний «стаж» и издательский опыт «Православного собеседника», академия разработала новые правила его издания, главным в которых было привлечение к изданию всей корпорации. Материальные затруднения, малое число подписчиков заставляли редакторов и авторов работать практически бесплатно. В 1878 г. была создана особая комиссия для выработки мер, предупреждающих закрытие журнала. Редакция была сокращена до одного человека, этими трудами с крайне скудным вознаграждением (450 руб. в год) занимался с 1879 по 1883 гг. А.В. Вадковский, а после 1883 г. – Н.Ф. Красносельцев. Но журнал не изменил своей направленности и не потерял лица: он был по-прежнему научным, а не популярным, продолжали печататься статьи по расколу (наиболее активным автором в этой области был Н.И. Ивановский), мухаммеданству и буддизму (профессоров академии Е.А. Малова, Н.П. Остроумова, М.А. Машанова, В.В. Миротворцева, Н.И. Ильминского и членов миссионерского общества)⁶⁶.

⁶⁴ НА РГ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6566. О возведении в степень доктора богословия ординарных профессоров КазДА М.Я. Красина, П.В. Знаменского и И.Я. Порфирьева. Л. 37–38 об., 43–44 об.

⁶⁵ Церковно-общественный вестник. 1874. № 22. С. 4; ПЗС КазДА за 1874 год. Казань, 1875. С. 12–19. Диссертация: *Милославский М.А.* Древнее языческое учение о странствованиях и переселениях душ и следы его в первые века христианства. Казань, 1874.

⁶⁶ ПЗС КазДА за 1878 год. Казань, 1879. С. 288–291.

В октябре 1874 г., когда в КазДА был завершен полный четырехлетний цикл действия нового Устава, по поручению Святейшего Синода Литовский архиепископ Макарий (Булгаков) провел ревизию академии. Кроме проверки делопроизводственной документации, учебных материалов, преосвященный Макарий посещал лекции, беседовал с преподавателями, приглашая их откровенно высказывать свое мнение о значении и задачах преподаваемой каждым науки и о предполагаемых улучшениях, благодарил за замечания и советы⁶⁷. Казанские профессора пожаловались преосвященному ревизору, что не успевают прочитывать лекции по всем разделам своей науки, поэтому задача, которая ставится перед профессорами – излагать всю систему науки – в условиях развивающейся науки невыполнима. Архиепископ Макарий помог в этом вопросе: по его ходатайству Святейший Синод официально разрешил преподавателям «вычитывать не все разделы курса с одинаковой подробностью», но останавливаться на тех, которые недостаточно разработаны в науке и отражены в учебной литературе. Это было значимым свидетельством научной направленности эпохи. Однако следует иметь в виду, что в том же указе было замечание: «ученые исследования не имеют пределов и каждая частность может занимать внимание ученого на продолжительное время...; допуская похвальное стремление преподавателей духовных академий разрабатывать науку, представляется целесообразным обратить их внимание и на подготовку их слушателей к удовлетворительному преподаванию в семинариях». И пожелание: излагать все же читаемые предметы по возможности «полно», как это принято во всех высших учебных заведениях, «основанных с педагогической целью»⁶⁸.

В целом ревизор дал положительное заключение о состоянии академии. Но у архиепископа Макария были и серьезные замечания к учебному процессу в КазДА. Так, ему не понравилось, что среди тем, предлагаемых для кандидатских и магистерских диссертаций, встречаются мало относящиеся к богословию. Наиболее ярким примером служили темы, предложенные профессором П.В. Знаменским, который по особому разрешению Синода преподавал одновременно русскую церковную и гражданскую историю и предлагал студентам по обоим предметам: «Ближний боярин Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащокие», «Ближний

⁶⁷ Бердников И.С. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии... С. 12.

⁶⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1874. Д. 18. Л. 14 об. – 15, 23 об.; ПЗС КазДА за 1875 год. Казань, 1876. С. 70–71.

боярин Артамон Сергеевич Матвеев»⁶⁹. Начиная с 1875 г., темы для кандидатских и, тем более, магистерских диссертаций предлагались только преподавателями богословских кафедр.

В 1881 г. началось заметное увеличение числа абитуриентов, желавших поступить в КазДА. Так, если в 1870-х гг. численность курсов колебалась от 15 до 30 студентов, то курсы, поступившие в 1881-1883 гг. превышали 40 человек (даже при выпуске они составляли: в 1885 – 41 человек; в 1886 г. – 44; в 1887 г. – 44). Рост числа своекоштных студентов делал особенно актуальным вопрос о помощи «недостаточным», которых с КазДА традиционно было большинство. Ответом на эту проблему стало учреждение в 1883 г. Общества вспомоществования недостаточным студентам. Ходатайство, представленное через архиепископа Казанского Палладия (Раева), было удовлетворено Синодом, первым председателем общества стал ректор академии протоиерей Александр Владимирский⁷⁰.

Результатом 14-летнего действия Устава 1869 г. было заметное развитие в КазДА практически всех научных направлений, о конкретных плодах которых будет сказано ниже, в особом разделе. Однако были у введенного Устава и оборотные стороны, на которые со временем обращалось все больше внимания. В научных исследованиях не только студентов, но и преподавателей академии специальность и конкретика превалировали над обобщениями, выводами, значимыми для богословия. Проводя тщательное изучение исторических реалий той или иной стороны церковной жизни или богословских идей, применяя к изучению церковных текстов критико-филологические методы, авторы и задачи исследования нередко ограничивали исторической или филологической областью. Учебный процесс, несмотря на полученное вдохновение, потерял свою «школьную» устойчивость: это было связано не только с частым манкированием студентами лекций, особенно по общеобязательным предметам, но и с перенесением акцента на проблемные вопросы, с ущербом для твердых знаний основ и нарушением целостности курсов. Наконец, нередко становились темой обсуждения организационно-дисциплинарные вопросы: поведение студентов, ослабление общего учебного ритма.

⁶⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1874. Д. 18. Л. 14, 20 об.; ПЗС КазДА за 1875 год. С. 23, 69.

⁷⁰ ПЗС КазДА за 1881 год. Казань, 1882. С. 89–91; То же за 1882 год. Казань, 1883. С. 257–258, 339; То же за 1883 год. Казань, 1884. С. 52; То же за 1884 год. Казань, 1885. С. 228, 274.

Все эти проблемы послужили причиной новой реформы духовных академий, проведенной довольно скоро – в 1884 г.⁷¹ Разумеется, катализатором была сама изменившаяся эпоха, началом которой стало убийство императора Александра II. Идея студенческой специализации, отличавшая Устав 1869 г., была отменена как на первых трех курсах, так и на выпускном: были введены лишь две группы предметов по выбору – историческая и словесная, – но это была лишь дополнительная квалификация для преподавания в семинариях, а не научная специализация.

Однако не следует думать, что сама научная устремленность духовных академий была умалена в своем значении и пафосе. Конечно, и профессора, и студенты немало роптали на вновь усилившуюся многопредметность, на неоднократно издававшиеся указы Синода, требующие сугубой осмотрительности в научно-богословских исследованиях, предостерегавшие от излишнего увлечения критическими подходами и тенденциями в западном богословии⁷². Но, несмотря на все эти нюансы, научно-исследовательский процесс продолжался, появлялись новые темы, расширялась палитра самой богословской науки.

Заметной чертой жизни КазДА стали научные командировки преподавателей академии – как внутрироссийские – в другие академии и университеты, так заграничные. Последние совершались в основном по двум направлениям в Западную Европу для стажировок в католических и протестантских университетах, работы в библиотеках и музеях; на Православный Восток для работы в архивах с древними рукописями и изучения современных реалий православной жизни. Так, выше уже была упомянута двухлетняя командировка выпускника академии А.А. Царевского в Петербургский университет для подготовки к кафедре славянских наречий⁷³. В 1873 г. в Совет академии вошел с ходатайством экстраординарный профессор по кафедре нравственного богословия и педагогики А.И. Гренков. Ссылаясь на то, что его знания по педагогике – дисциплине достаточно новой для духовных академий – «весьма отрывочны, не полны, не обстоятельны»⁷⁴, он просил помочь ему с командировкой в столицу, желая «прослушать курс, читаемый профессором педагогики в

⁷¹ Про духовно-учебную реформу 1884 г. и ее основные положения подробнее см. статью этого диска: *Сухова Н.Ю.* Духовные школы и духовное просвещение в России (XVII – начало XX века). М., 2014.

⁷² Об этих указах, реакции на них профессоров духовных академий и влиянии указов на научные исследования более подробно см.: *Сухова Н. Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX в. М., 2009. С. 373–385.

⁷³ РГИА. Ф. 796. Оп. 159. Д. 461. Л. 1–12.

⁷⁴ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6563. Л. 1 об.

Императорском Филологическом институтке, познакомиться с практическими занятиями по педагогике в военно-учебных заведениях и поработать под руководством специалиста»⁷⁵. Заметим, что в числе последних А.И. Гренков называл как светских педагогов, так и ректора СПбДА протоиерея Иоанна Янышева, занимавшего соответствующую кафедру. В дальнейшем преподаватели академии неоднократно хлопотали о поездках в Петербург или Москву – для слушания лекций в университетах и работы в архивах и библиотеках.

Более необычными для академий были зарубежные научные путешествия. Так, в 1874 г. был отправлен в Германию для слушания в университетах лекций по философии приват-доцент П.А. Милославский⁷⁶. Эту командировку можно считать классическим вариантом стажировки: имея на руках общее задание от Совета академии, стажер регулярно отчитывался в письмах о выбранных университетах, курсах лекций, результатах, впечатлениях, выводах⁷⁷. Результатом этой поездки стало расширение профессионального кругозора молодого преподавателя, ориентация в современных направлениях западной философии, личное знакомство с их представителями. В 1881 г. отправился в научное путешествие по Европе – Германия, Франция, Италия – доцент кафедры церковной археологии и литургики Н.Ф. Красносельцев⁷⁸. Он не только изучал архивы и музеи, но смог составить целую коллекцию копий с музейных экспонатов – эта коллекция в дальнейшем составила основу церковно-археологического музея КазДА, который открылся в 1884 г. Совет КазДА после подробного обсуждения результатов этой командировки устами профессора И.С. Бердникова резюмировал: «Было бы желательно, чтобы... дело собирания и разработки рукописного церковно-исторического и археологического материала, хранящегося в западных и восточных заграничных библиотеках, доселе почти нетронутое русскими учеными, было поставлено одною из прямых задач высшей православной богословской науки и велось систематически»⁷⁹.

В 1897 г. был командирован на год в западно-европейские университеты доцент кафедры истории западных исповеданий В.А.

⁷⁵ Там же. Л. 8.

⁷⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 155. Д. 865. Л. 1–12; Там же. Ф. 802. Оп. 9. Д. 11. 1874 г. Л. 1–16; НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6726. Л. 1–15 об.

⁷⁷ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6792. Л. 43 об. – 45, 46–48; Там же. Д. 6866. Л. 1–1 об., 5–5 об. Отчет приват-доцента Петра Милославского о его занятиях в немецких университетах в зимнем семестре 1874/75 уч. г.; Л. 2–2 об., 4–4 об. Отчет о занятиях в летнем семестре 1874/75 уч. г.

⁷⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 162. Д. 598. Л. 1–9; НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7590. Л. 1–15.

⁷⁹ ПЗС КазДА за 1884 год. С. 206.

Керенский. Аналогичные командировки В.А. Керенский получал в 1899, 1902 и 1904 гг. – по несколько месяцев, а в 1911 г. он весь год пробыл за границей.

Не менее значимыми для развития богословской науки стали поездки членов преподавательской корпорации на Православный Восток. Так, Н.Ф. Красносельцев, попав в 1885 г. в Святую Землю с паломнической целью, открыл богатства Патриаршей библиотеки и в 1888 г. совершил уже чисто научную поездку, составив описание славянских рукописей этого собрания⁸⁰.

Естественно, устремились в Палестину библеисты: в 1888 г. профессор по кафедре Священного Писания Ветхого Завета П.А. Юнгеров предпринял поездку с ученой целью в Палестину, указав на профессиональную необходимость изучения святых мест для специалиста его профиля⁸¹. В 1893 г. профессор библейской археологии и еврейского языка С.А. Терновский был командирован на год в Палестину, и увиденное и изученное изменило его мнение о преподаваемой науке: если ранее он понимал библейскую археологию как науку книжную, основанную исключительно на текстах Библии, то Святая Земля, на которой происходили священные события, стали для профессора дополнительным свидетельством об этих событиях. Результатом стала переработка курса лекций по библейской археологии и система «священной географии»⁸². В 1908 г. была предпринята попытка «полевой» подготовки к кафедре библейской археологии: доцент Е.Я. Полянский, назначенный на кафедру, был командирован в Палестину на год⁸³. Действующий профессор кафедры – С.А. Терновский – составил развернутый план подготовки, учитывая свой опыт преподавания и посещения Святой Земли. В 1910 г. в Палестину отправился профессор истории Древней Церкви В.И. Протопопов — исследовать памятники первых веков христианства⁸⁴. Деятельность профессора Протопопова была удостоена

⁸⁰ Красносельцев Н. Ф. Богослужение Иерусалимской Церкви в конце IV в. Казань, 1888; *Он же*. Славянские рукописи Патриаршей библиотеки в Иерусалиме. Казань, 1889 (отд. отт. из: ПС. 1888. № 12. С. 1–32).

⁸¹ Терновский С. А. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования. 1870–1892. Казань, 1892. С. 293.

⁸² Библейская археология. Вып. I, II. М., 1891–1896. Другие его труды: Иудеи рассеяния и их религиозная пропаганда. Очерк из истории приготовления рода человеческого к пришествию Спасителя // ПС. 1881. Т. I; Патриарх Иерусалимский в древнее время. Казань, 1886; Праздник кущей у евреев. Казань, 1890; Сборник статей по Ветхому Завету. Казань, 1898; О значении имени «Иерусалим». Казань, 1907; Различные названия Иерусалима в Библии // ПС. 1912. № 6; Топография Иерусалима библейских времен // Там же. 1912. № 12; Внешние условия жизни в Палестине. Саратов, 1914; Изъяснение некоторых псалмов. Казань, 1915.

⁸³ ПСС КазДА за 1908 г. С. 14–15, 136.

⁸⁴ ПСС КазДА за 1910 г. С. 53, 232–233. См. также: Протопопов В. Из писем ученого паломника во Святую Землю // ПС. 1911. Т. I. С. 513–524, 682–700, 777–793; Т. II. С. 231–248; *Он же*. Русский паломнический сезон в Иерусалиме // Там же. Т. II. С. 463–487; *Он же*. На развалинах Самарии // Там же. С.

грамоты Иерусалимского Патриарха и Золотого Креста и Животворящего Древа⁸⁵.

Но эти географические направления с достаточной активностью обрабатывали и другие российские духовные академии, однако КазДА и в «командировочном порыве» имела свою особенность, связанную с миссионерской направленностью. Так, в 1885 г. был командирован Советом академии на два года в мусульманские страны Сирию, Палестину, Египет и Аравию доцент М.А. Машанов⁸⁶. Эта поездка была продолжением традиции, начатой в 1850-х гг. Н.И. Ильминским, и дала блестящие результаты и в отношении сле изучения арабского и турецкого языков, и в смысле дальнейшем В 1911 г. к командировкам подключилось и противобуддийское направление: и. д. доцента иеромонах Амфилохий (Скворцов) был направлен в Монголию «для изучения религиозных и бытовых особенностей просвещаемых народов»⁸⁷. Длительная командировка имела результат: иеромонах Амфилохий стал лучшим, видимо, на тот момент монголоведом в России, но предвещавшимся научным и церковно-практическим перспективам осуществиться было не дано.

Казанская духовная академия на рубеже эпох (1900–1921 гг.)

По понятным причинам в дореволюционный период историографы академии не успели подвергнуть научному изучению последний период бытия Казанской духовной академии – после 1892 г. Однако эта ущербность была восполнена уже в последние годы: в 1997 г. в Московской духовной академии была защищена диссертация протодиакона И. Барсукова, а в 2000 г. – историческая диссертация А.В. Журавского, в которых рассмотрена история академии вплоть до последних дней ее существования, включая и советское время⁸⁸.

Среди новых тенденций, заметных в начале XX в. в духовных академиях, в том числе, и Казанской, можно выделить три главных. Первая, наиболее заметная внешнему взгляду, – борьба за автономию, под которой

627–634; *Он же*. Поездка к самарянам // Там же. 1912. Т. I. С. 358–368, 499–536; *Он же*. Прежде и теперь. Из быта русских паломников в Палестине // Там же. Т. II. С. 325–361.

⁸⁵ ПСС КазДА за 1912 г. С. 153

⁸⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 166. Д. 550. Л. 1–5; НА РТ. Ф. 967 (Михаил Александрович Машанов). Оп. 1. Д. 2. Л. 4–7; Там же. Д. 9. Л. 11–194 об. (подробное описание путешествия по Востоку).

⁸⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 192. Д. 307. Л. 1–2; Там же. Оп. 194. Д. 217. Л. 1–8.

⁸⁸ *Барсуков И., протодиак.* Деятельность Казанской духовной академии в XX веке (с 1900 по 1921 гг.) Дисс. ... канд. богосл. Сергиев Посад: МДА, 1997; *Журавский А.В.* Казанская духовная академия на переломе эпох (1884–1921). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000.

понимались более свободные и самостоятельные действия преподавательских корпораций. К этой же тенденции можно отнести волнения студентов, возбуждаемые общим настроением в России в начале XX в. Эта сторона жизни КазДА подробно описана в диссертации А.В. Журавского⁸⁹.

Второй тенденцией является участие КазДА в совершенствовании высшей духовной школы и в составлении новых моделей богословского образования. Представители КазДА участвовали во всех комиссиях по обсуждению духовно-академических вопросов: в 1905–1906 гг., в 1909–1910 гг., в 1917–1918 гг.⁹⁰.

Наконец, следует отметить заметный научный подъем начала XX в.: вопреки все настроением, смущениям, увлечениям, КазДА не только сохраняла научный уровень, но активно повышала его. При этом можно смело сказать, что в академии к этому времени уже сформировались научные школы (о сложностях этого понятия для российских академий см. ниже). Так, заметный вклад в российское богословие внесли казанские патрологи, канонисты, литургисты, церковные историки – прежде всего, в области русской церковной истории, но также и в области византистики, даже истории Древней Церкви. В определенных вопросах устойчивое место занимала казанская библеистика – особенно ветхозаветная. Несомненный вклад в общую российскую научную палитру внесли востоковеды КазДА. Все это дает основание утверждать, что академия, несмотря на все сложности исторического пути, выполнила свою задачу – стать, с одной стороны, как и все остальные академии, центром духовной учености; с другой, – отвечать перед Церковью за развитие миссии (прежде всего, восточной) и ее научное укрепление.

Следует обратить внимание еще на одну важную сторону жизни КазДА этого периода – духовную, а конкретнее – духовническое окормление учащихся и учащихся. Этот вопрос является одним из самых сложных в истории российской духовной школы. Для его полноценного изучения слишком мало источников, поэтому стереотипное мнение о «мертвенности и схоластичности» духовной школы, невнимании к передаче подлинного духовного опыта будущим пастырям, даже определенной вине академий и семинарий в замирании духовной жизни в синодальный период продолжает оставаться доминирующим.

⁸⁹ Журавский А.В. Казанская духовная академия на переломе эпох... С. 24–80.

⁹⁰ Об этих обсуждениях подробнее см. статью этого диска: Сухова Н.Ю. Духовные школы и духовное просвещение в России (XVII – начало XX века). М., 2014.

Особенное значение этот вопрос имеет для конца XIX – начала XX в., когда, как кажется, главной тенденцией в жизни духовных школ была устремленность к достижению внешних «свобод». Однако именно в этот период важной чертой жизни Казанской академии была ее связь с выдающимся старцем, преподобным схиархимандритом Гавриилом (Зыряновым), с 1889 г. жившим в Седмиозерной пустыни, а в 1902–1908 гг. являвшимся ее наместником. Старчество Гавриила (Зырянова) началось в середине 1890-х гг. и продолжалось до кончины: оно распространялось не только на монастырскую братию, но в Седмиозерную пустынь приезжали сотни казанцев. Среди духовных детей старца, который был выходцем из уральских крестьян и не учился в школе, стали многие студенты КазДА. Этой духовной связи содействовали ректоры КазДА, понимавшие важность старческого окормления для служителей Церкви – будущих священников, архиереев. Особенно укрепилась связь академии со старцем Гавриилом в годы ректорства преосвященного Антония (Храповицкого) (1895–1900). Последний, являясь вдохновителем ученого монашества, увлекал студентов своим порывом; но, юноши, решавшие посвятить себя иноческой жизни, нередко переживали в своей душе сложную борьбу. В подобных случаях для разрешения сомнений преосвященный Антоний отправлял мятущегося студента в пустынь, где тот получал духовное наставление старца – о. Гавриила. Возможно, это сочетание учебного и духовного водительства позволяло если не избежать, то свести к минимуму ошибки в решениях молодых людей отказаться от мирской жизни – ошибки, которые были нередки в «школьных» постригах и порочили саму идею «ученого монашества»⁹¹.

Это духовное водительство старцем Гавриилом казанских «академиков», желавших принять монашество, продолжалось и после ухода преосвященного Антония из академии: одних старец предостерегал против недостаточно продуманного решения, порыв других поддерживал. Так, в январе 1901 г. о. Гавриил просил ректора КазДА епископа Алексия (Молчанова) исходатайствовать у архиепископа Казанского Арсения (Брянцева) благословение на пострижение студента II курса КазДА Евгения Масловского, поведавшего старцу, что всем сердцем желает принять монашество, но опасается, не преждевременно ли принятие такого подвига. Старец подтверждал призвание юноши: «Если же отложить его пострижение до какого-либо времени, это то же будет, что угашать Дух Божий в нем, что

⁹¹ Об этом см., например: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 47–48.

противно словам св. апостола: *Духа не угашайте* (1 Фес. 5, 19). В то же время, опасаясь, как бы отсрочка пострижения его в монашество не послужила бы ему источником тягостной муки душевной и, при том, не отразилась бы тяжело и на его физическом здоровье. Упованием на помощь Божию и содействием Духа Божия вполне ручаюсь за будущность его в монашестве»⁹². Студент был пострижен в монашество с именем Иувеналий – это был будущий священномученик, архиепископ Рязанский и Шацкий.

Последние семь лет своей жизни преподобный Гавриил провел в Спасо-Елеазаровом монастыре, где настоятельствовал игумен Иувеналий (Масловский), а скончался 24 сентября 1915 г. во флигеле КазДА, в квартире другого своего духовного сына - инспектора академии и будущего священномученика Гурия (Степанова).

Многие из духовных чад старца Гавриила стали позже архиереями, а в годы гонений – подвижниками веры, мучениками и исповедниками. Среди них: священномученики Амвросий (Полянский), Амфилохий (Скворцов), Герман (Ряшенцев), Гурий (Степанов), Иоасаф (Удалов), Иувеналий (Масловский), Мефодий (Красноперов), Петр (Зверев), Феодор (Поздеевский), священноисповедники Амвросий (Полянский), Виктор (Островидов), расстрелянные, погибшие в лагерях и ссылках архиереи Варлаам (Ряшенцев), Варсонофий (Лузин), Евсевий (Рождественский), Иннокентий (Летяев), Иннокентий (Ястребов), Иоанн (Киструцкий), Леонтий (фон Вимпфен), Пимен (Пегов), Стефан (Знамировский), архимандрит Симеон (Холмогоров)⁹³.

Подводя итоги 79-летнему пути КазДА (1842–1921 гг.), можно привести некоторые статистические данные. По числу студентов Казанская академия уступала другим, казанские выпускники составляли, примерно, одну шестую часть выпускников всех академий.

Всего академию закончили 2125 человек, включая магистров (до 1870 г. степени магистра получали успешные выпускники академий, представившие соответствующее сочинение, сразу по окончании академии), кандидатов, действительных студентов.

⁹² Житие преподобного Гавриила, старца Седмиозерной пустыни. М.: Изд. им. свт. Игнатия Ставропольского, 1997. С. 10.

⁹³ *Огрызков С.* Пастырство схиархимандрита Гавриила (Зырянова). Дисс. ... канд. богосл. Сергиев Посад: МДА, 2000. С. 160–161.

Выпуски академии: 1846 – 30 человек; 1848 – 20, 1850 – 34; 1852 – 22; 1854 – 34; 1856 – 28; 1860 – 25; 1862 – 21; 1864 – 23; 1866 – 18; 1868 – 17, 1870 – 42; 1872 – 19; 1873 – 28; 1875 – 14; 1876 – 27; 1877 – 21; 1878 – 28; 1879 – 22; 1880 – 26; 1881 – 21; 1882 – 36; 1883 – 28; 1884 – 33; 1885 – 41; 1886 – 44; 1887 – 44; 1888 – 25; 1889 – 45; 1890 – 30; 1891 – 36; 1892 – 22; 1893 – 30; 1894 – 31; 1895 – 26; 1896 – 32; 1897 – 36; 1898 – 54; 1899 – 56; 1900 – 58; 1901 – 65; 1902 – 51; 1903 – 58; 1904 – 32; 1905 – 39; 1906 – 29; 1907 – 27; 1908 – 31; 1909 – 25; 1910 – 31; 1911 – 32; 1912 – 38; 1913 – 40; 1914 – 33; 1915 – 59; 1916 – 42; 1917 – 41; 1918 – 35; 1919 – 12; 1920 – 7. Обращают на себя внимание большие выпуски 1898–1903 гг. Это объясняется уже упомянутой выше беспрецедентной популярностью ректора, знаменитого уже тогда архимандрита, а с 1897 г. епископа Антония (Храповицкого) (1895–1900). В эти годы условия поступления были более или менее мягкими, и в Казань устремился поток абитуриентов не только из Поволжья, Урала, Сибири, но из семинарий всех регионов. После перевода преосвященного Антония на Уфимскую кафедру и назначения ректором малоизвестного архимандрита Алексия (Молчанова) количество абитуриентов резко сократилось.

Закрытие академии в апреле 1921 г. приостановило учебный процесс, но если судить по последнему составу студентов 1–3 курсов, следующие три выпуска составляли бы по 13–15 человек.

В конце XIX – начале XX в. архиерейский корпус Русской Православной Церкви более чем на 80 % состоял из выпускников духовных академий, выпускники КазДА составляли практически на любой конкретный момент этого времени около 1/6 всего архиерейского корпуса. Среди них были и два митрополита Санкт-Петербургских - Палладий (Раев) (1892–1898) и Антоний (Вадковский) (1898–1912).

5. НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Научная деятельность в Казанской духовной академии была весьма разнообразной, поэтому деятельность отдельных ученых и история конкретных академических научных направлений в последние десятилетия неоднократно становились объектом изучения⁹⁴. Уделяли внимание научной

⁹⁴ Валеев Р.М. Востоковед Г.С. Саблуков и проблемы исламоведения (40–80-е гг. XIX в.). Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1986; *Его же*. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.).

деятельности академии на конкретных этапах исторического пути и ее историографы, хотя П.В. Знаменский и С.А. Терновский соединяли научную деятельность с учебной, что не позволяло сосредоточиться собственно на научно-богословских проблемах и успехах и поставить вопрос о формировании в КазДА научных школ⁹⁵. Этот вопрос ставится только в диссертации А.А. Журавского, посвященной последнему периоду бытия КазДА⁹⁶, поэтому общие фундаментальные работы по изучению научного приношения академии Церкви еще впереди.

Несмотря на привычное употребление современными исследователями понятия «научная школа» для характеристики деятельности дореволюционных российских духовных академий, корректность этого употребления требует особого комментария – прежде всего потому, что сами представители академической науки относились к нему скептически. Так, профессор СПбДА В.В. Болотов считал, что «у нас нет отдельных богословских школ в смысле направлений, последовательно выдержанных и – что называется – спевшихся между собой не только в принципах, но и в отдельных тезисах», и «каждый русский богослов является в сущности представителем только своего личного мнения»⁹⁷. Его коллега профессор МДА А.П. Лебедев, оценивая бурное развитие одной из областей богословия – церковной истории – во второй половине XIX – начале XX в., констатировал, что все же «появилось... то, что принято называть направлением», но также настаивал на том, что «конечно, дело не дошло до того, чтобы возникли так называемые научные школы на манер западных – римо-католических и протестантских»⁹⁸. Разумеется, следует учитывать

Дисс. ... докт. ист. наук. Казань, 1999; *Погасий А.К.* Изучение проблем раннего христианства в Казанском университете и Казанской духовной академии в XIX – начале XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1995; *Аккуратнов А.В.* Философия религиозного реформаторства в духовно-академических школах России (В.И. Несмелов и М.М. Тареев). Дисс. ... канд. филос. наук. М., 2005; *Михайлов А.Ю.* «Социальная доктрина» Православной Церкви в трудах И.С. Бердникова. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2006; *Бажура Е.А.* Вопросы становления самодержавия в Московском государстве в процессе обучения студентов Казанской духовной академии и Казанского императорского университета. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2006; *Хабидуллин М.З.* Михаил Александрович Машанов – профессор Казанской духовной академии, миссионер и исламовед. Казань, 2006; *Его же.* Миссионерские отделения Казанской духовной академии в 1884–1920 гг. // Православный собеседник. Казань, 2008. № 16. С. 227–236; *Поль В.А.* Философский теизм в Казанской духовной академии: опыт системной реконструкции и интерпретации. Дисс. ... канд. филос. наук. Благовещенск, 2007; *Афонина Е.В.* Преподавание новых языков в Казанской духовной академии // Православный собеседник. Казань, 2007. № 14. С. 144–149; *Петрухина Ж.В.* Первые годы Соловецкой библиотеки в Казани // Там же. С. 182–195; *Павлов А., прот.* История библейской кафедры Священного Писания Ветхого Завета Казанской духовной академии. Дисс. ... канд. богосл. СПб.: СПбДА, 2012 и др.

⁹⁵ *Знаменский П.В.* История Казанской Духовной Академии.. Вып. 2. С. 1–501; *Терновский С.А.* Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии... С. 30–69, 255–265.

⁹⁶ *Журавский А.В.* Казанская духовная академия... С. 81–154.

⁹⁷ *Болотов В.В.* К вопросу о Filioque / С предисл. А.И. Бриллиантова. СПб., 1914. С. 30.

⁹⁸ *Лебедев А.П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV-го века до XX-го. Изд. 2-е, пересмотр. М., 1903.

контекст и исторический путь русского богословия: сам термин «школа» отчасти был скомпрометирован многолетней борьбой со «схоластикой», а отчаянные споры западных научных школ вызывали сомнение в допустимости подобных разделений для церковной науки. Затрудняет выделение «научных школ» в российских духовных академиях и то, что в них не было официального научного руководства: даже выпускные диссертации писались не «под руководством того или иного профессора», а «тому или иному профессору» (исключение составляло, пожалуй, только поручение с 1884 г. профессорских стипендиатов под наблюдение конкретного профессора-специалиста). Но и с самим формированием научных школ в духовных академиях были связаны вполне реальные проблемы: так как каждая область богословской или связанной с богословием науки была представлена в академии одним специалистом («кафедрой»), возможность оставлять в академии молодых ученых открывалась только при освобождении той или иной кафедры.

Тем не менее, в КазДА, как и в других академиях, во второй половине XIX – начале XX в. постепенно сформировались – по крайней мере, в отдельных научных областях = вполне определенные направления, обладающие чертами научной школы: преемство нескольких ученых, сменяющих друг друга на соответствующей кафедре и имеющих своего предшественника учителем, близость тематики и методов, преемство выводов.

Предпосылки для развития востоковедческого направления были определены спецификой КазДА, о которой говорилось выше, ее особыми миссионерскими задачами и соответствующим созданием в академии миссионерских отделений и кафедр восточных языков и религий. Формированию некоторых школ содействовало присутствие в КазДА Соловецкой библиотеки и ее описание. Однако некоторые научные направления развивались исключительно силами самих ученых: появление сильного специалиста-исследователя привлекало и увлекало студентов, склонные в научной деятельности продолжали дело учителя, наиболее даровитые из которых становились преемниками по кафедре и воспитывали своих учеников. Так как структура всех четырех духовных академий была типовой (кроме миссионерского блока КазДА), в Казанской академии, как и во всех остальных, были специалисты по всем основным богословским, философским, историческим, правовым, филологическим дисциплинам.

Конечно, не все профессора были крупными учеными, но труды некоторых из них сохраняют свое значение и в настоящее время.

Так, в области Священного Писания Ветхого Завета следует выделить Павла Александровича Юнгера занимавшего соответствующую кафедру с 1879 г., а с 1914 г. вплоть до закрытия академии в 1921 г. продолжавшего свою научную и преподавательскую деятельность в качестве сверхштатного профессора. П.А. Юнгер является автором многих монографий и статей, а также двух фундаментальных трудов, представляющих и ныне немалый интерес: общего и частного историко-критических введений в священные ветхозаветные книги⁹⁹. Но особенно известен П.А. Юнгер своими исследованиями греческого текста Ветхого Завета – Септуагинты, а также переводами ее книг на русский язык, которые Н.Н. Глубоковский охарактеризовал как «великий научно-церковный подвиг»¹⁰⁰. Так, Юнгером были переведены с соответствующими комментариями книги плача Иеремии (1910), Иезекииля (1911), Даниила (1912), Малые пророки (1913), Иова (1914), Псалтирь (1915), Екклесиаст и Песнь песней (1916). Последняя переводческая работа «Пятикнижие Моисеево в греко-славянском и русском переводах, Книга Бытия» не была завершена.

Два ученика П.А. Юнгера – В.И. Протопопов и И.Ф. Григорьев – дополнили ряды преподавательской корпорации КазДА. В.И. Протопопов занимался преимущественно реалиями библейской истории, в дальнейшем его исследования были теснейшим образом связаны со Святой Землей – на этом были основаны и его толкования ветхозаветных книг¹⁰¹. В 1910 г. В.И. Протопопов отправился в Палестину собирать материалы по истории самарян и исследовать памятники первых веков христианства¹⁰². Его ученая деятельность в Палестине была высоко оценена и Иерусалимским Патриархом: в 1912 г. казанский библеист был удостоен ордена Золотого

⁹⁹ Юнгер П.А. Общее историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги. Казань, 1902; *Он же*. Частное историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги: В 2 вып. Вып. 1: Книги законоположительные, исторические и учительные; Вып. 2: Пророческие и неканонические книги. Казань, 1907. Первый труд был переиздан в 1910 г., с дополнением «Очерком истории толкования священных ветхозаветных книг Священного Писания».

¹⁰⁰ Глубоковский Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. С. 23.

¹⁰¹ Магистерская диссертация: *Протопопов В.И.* Переход евреев чрез Черное море. Казань, 1895; дальнейшие труды: *Он же*. Библейские ветхозаветные события по толкованиям святых отцов и учителей Церкви. Казань, 1897; *Он же*. Толкования на книги Чисел и Второзаконие. СПб., 1904; *Он же*. Толкование на I и II книги Царств. Там же, 1905.

¹⁰² ПСС КазДА за 1910 год. С. 53, 232–233. См. также: *Протопопов В.* Из писем ученого паломника во Святую Землю // ПС. 1911. Т. I. С. 513–524, 682–700, 777–793; Т. II. С. 231–248; *Он же*. Русский паломнический сезон в Иерусалиме // Там же. Т. II. С. 463–487; *Он же*. На развалинах Самарии // Там же. С. 627–634; *Он же*. Поездка к самарянам // Там же. 1912. Т. I. С. 358–368, 499–536; *Он же*. Прежде и теперь. Из быта русских паломников в Палестине // Там же. Т. II. С. 325–361.

Креста и Животворящего Древа¹⁰³. И.Ф. Григорьев занимался преимущественно библейско-богословскими исследованиями: главным его трудом стало магистерское исследование о мессианских местах книги Исаяи, названное П.А. Юнгером первым трудом в русской литературе «в области ветхозаветной мессиологии»¹⁰⁴. Как и его учитель, И.Ф. Григорьев старался сочетать научно-критический подход с твердой православной позицией. Многие ученики П.А. Юнгера, не преподававшие в Казанской академии, также внесли большой вклад в научное развитие библеистики: в частности, в их рядах был священномученик Василий (Богоявленский), представивший в качестве магистерской диссертации солидный труд¹⁰⁵.

Небезуспешно развивалась в КазДА и новозаветная библеистика; ключевой фигурой в этом направлении был профессор М.И. Богословский, занимавший соответствующую кафедру с 1871 г. на протяжении более 35 лет. В научном отношении М.И. Богословский занимался преимущественно изучением Четвероевангелия, причем характерной чертой его исследований было применение к евангельскому повествованию историко-экзегетического метода. Наиболее значимым его трудом стала докторская диссертация, содержащая изъяснение Евангельских текстов, относящихся к детству и отрочеству Господа Иисуса Христа и представляющая, по мнению рецензентов, «выдающееся явление в богословской литературе не только отечественной, но и всей западной»¹⁰⁶.

Догматическое богословие было, разумеется, чрезвычайно важным для российской высшей духовной школы, но в этой области чаще приходилось заботиться о чистоте вероучительных взглядов выпускников, нежели об исследовательских перспективах. Среди авторов православных догматических систем, составленных в 1840–70-х гг., не было представителей КазДА. Но на следующем этапе, когда доминирующим стало историко-догматическое направление, в КазДА также появились заметные труды. Так, можно выделить фундаментальное исследование профессора кафедры догматического богословия Евлампия Андреевича Будрина, посвященное изучению взглядов антитринитариев XVI в. – довольно редкой

¹⁰³ ПСС КазДА за 1912 год. С. 153.

¹⁰⁴ Отзыв профессора П.А. Юнгера о сочинении Ив. Григорьева // ПС. 1904. № 3. С. 6. Сама магистерская диссертация: *Григорьев И.Ф.* Пророчества Исаяи о Мессии и Его Царстве. Казань, 1901.

¹⁰⁵ *Богоявленский В., свящ.* Вторая книга Маккавейская: Опыт исагогического исследования. Казань, 1906.

¹⁰⁶ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8944. Л. 1–6. Диссертация: *Богословский М.И.* Детство Господа нашего Иисуса Христа и Его Предтечи по Евангелиям св. апостолов Матфея и Луки. Казань, 1893.

теме для русского богословия¹⁰⁷. Введение историко-критических методов в богословие нередко приводило к смущениям и сомнениям, возникли сложности и с оценкой этого исследования: при утверждении диссертанта в докторской степени Святейший Синод критически оценил тезис, что «в историческом исследовании всего менее уместно преследование практических целей и личных интересов» (имелись в виду цели и интересы конфессионально-апологетические). Синод выдвинул противоположный тезис: «в богословских исследованиях не только уместно, но и обязательно «преследование практических целей и интересов» собственной Православной Церкви», а исследователь должен «не соблазнить горячих сердцем и ревнивых православных холодным беспристрастием к чуждым учениям и неправославным взглядам и индифферентизмом к воззрениям строго православным»¹⁰⁸. Но это было отражением общих проблем, связанных с применением в богословии историко-критического метода. Преемник Е.А. Будрина по кафедре Павел Петрович Пономарев также выбирал для исследования темы, важные, но не часто привлекавшие до него внимание отечественных исследователей. Среди них можно выделить три доминирующих: догматические основы христианского аскетизма, таинство Евхаристии и Священное Предание¹⁰⁹.

Нравственное богословие в КазДА долгие годы представлял Александр Федорович Гусев – выпускник СПбДА, преданный ученик протоиерея Иоанна Янышева: именно по предложению А.Ф. Гусева КазДА издала лекции протоиерея Иоанна по нравственному богословию и удостоила этот труд степени доктор богословия. Сам А.Ф. Гусев проводил исследования и публиковал работы по двум основным направлениям: выявление особенностей христианского нравственного учения и его отличий от нравоучений нехристианских религий¹¹⁰; полемика с антихристианскими

¹⁰⁷ См.: Будрин Е.А. Антитринитарии XVI века: В 2 вып. Вып. I: Михаил Сервет и его время; Вып. II: Фауст Социн. Казань, 1878; 1886.

¹⁰⁸ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8091. О соискании экстраординарным профессором Евлампием Будриным степени доктора богословия. Л. 2.

¹⁰⁹ Пономарев П.П. Догматические основы христианского аскетизма по творениям восточных писателей-аскетов IV века. Казань, 1899; магистер. дисс.); *Он же*. О значении аскетической литературы. Там же, 1900; *Он же*. Учение святого Кирилла, архиепископа Александрийского, об Евхаристии. Там же, 1903; *Он же*. Учение святого Иоанна Златоуста об Евхаристии. Там же, 1904; *Он же*. Учение Фомы Аквината о таинстве Евхаристии. Там же; *Он же*. Из истории Святого Предания (ряд статей в «Православном собеседнике» за 1901–1906 гг.

¹¹⁰ Гусев А.Ф. Нравственный идеал буддизма в отношении к христианству. СПб., 1874; *Он же*. Зависимость морали от религиозной или философской метафизики. М., 1886; *Он же*. Отношение евангельского нравоучения к закону Моисееву и к учению книжников и фарисеев по нагорной проповеди Иисуса Христа. Харьков, 1895 и др.

тенденциями современной науки, прежде всего, – естественной¹¹¹. Весьма известен апологетический труд А.Ф. Гусева против Л.Н. Толстого, удостоенный степени доктора богословия, несмотря на неоднозначную оценку научных достоинств этой работы членами корпорации КазДА¹¹².

Вопросами христианской нравственности и педагогики занимался и Александр Иванович Гренков, старавшийся, учитывая достижения и ошибки представителей западных нравоучителей и педагогов, выстроить православную педагогику – прежде всего, пастырскую¹¹³. Начало развитию собственно пастырского богословия в КазДА было положено архимандритом Паисием (Пылаевым), преподававшим нравственное и пастырское богословие в 1847–1854 гг. и оставившим рукописные «Заметки по пастырскому богословию», а также приложение к этим запискам – «О средствах против разного рода грешников и грехов». Преемник архимандрита Паисия – священник Михаил Зефиров – создал целостный курс пастырского богословия, но и он не появился в печатном виде. После преобразования 1870 г. пастырское богословие и гомилетику преподавал А.В. Вадковский (с 1883 г. архимандрит Антоний), который, будучи мирянином и не имея личного пастырского опыта, научные исследования посвятил преимущественно истории гомилетики¹¹⁴. Наконец, следует отметить вклад в пастырское богословие КазДА ее знаменитого ректора архимандрита (с 1897 г. епископа) Антония (Храповицкого)¹¹⁵. В Казани же были опубликованы нравоучительные труды преосвященного Антония¹¹⁶.

¹¹¹ *Он же*. Нравственность как условие истинной цивилизации и специальный предмет науки (разбор теории Бокля). М., 1874; *Он же*. Вопрос о воспитании в учениях современных естествоведов // Православное обозрение. 1874. № 10–12; *Он же*. Дж. Ст. Милль как моралист // Там же. 1875. № 1, 3, 8, 9; 1876. № 6; 1877. № 6–7; 1878. № 8; *Он же*. Натуралист Уоллес, его русские переводчики и критики. М., 1879 и др.

¹¹² НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8943. Л. 1–92; Там же. Д. 8951. Л. 1–7. Диссертация: *Гусев А.Ф.* Основные религиозные начала графа Л. Толстого: Апологетическое сочинение. Казань, 1893; после появления новых работ Л.Н. Толстого переработано, дополнено и вторично издано: *Он же*. О сущности религиозно-нравственного учения Л.Н. Толстого. Казань, 1902.

¹¹³ *Гренков А.И.* Главные направления немецкого богословия XIX века. Вып. I: От Шлейермахера до Штрауса. Казань, 1882; *Он же*. Независимая мораль: К характеристике современного состояния нравоучения во Франции // ПС. 1885. Т. II; *Он же*. Идеи и факты педагогики с точки зрения богословствующего педагога // Там же. 1888. Т. I, II.

¹¹⁴ *Вадковский А.В.* Св. Василий Великий, его жизнь и проповеднические труды // ПС. 1872. № 5; 1873. № 3, 10; *Он же*. О поучениях Фотия, митрополита Киевского и всея Руси // Там же. 1875. № 3, 10; *Он же*. Из истории древнеболгарской церковной проповеди. Константин, епископ Болгарский, и его Учительное Евангелие. Казань, 1885. Все научные труды преосвященного Антония по истории гомилетики были переизданы в сборнике: *Антоний (Вадковский), архиеп.* Из истории христианской проповеди. СПб., 1892.

¹¹⁵ *Антоний (Храповицкий), архим.* Из чтений по пастырскому богословию. Казань, 1896; *Он же*. Значение молитвы для пастыря Церкви. Там же, 1897; *Он же*. Лекции по пастырскому богословию. Там же, 1900 и др.

¹¹⁶ *Он же*. Возможна ли нравственная жизнь без христианской религии. Казань, 1897; *Он же*. Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы. Там же, 1898.

Патристика, появившаяся в КазДА в статусе самостоятельной дисциплины в 1844 г., до преобразования академии в 1870 г. не имела заметных успехов. В течение 1844–1870 гг. сменилось пять преподавателей патристики: Д.И. Кастальский (1844–1848), иеромонах Серафим Протопопов (1849–1851), М.М. Зефирова (1851–1856), А.И. Беневоленский (1856–1857) и Я.В. Рудольфов (1857–1868). По краткости пребывания на кафедре и перегруженности другими предметами преподавания они не смогли оставить после себя ни капитальных исследований, ни систематических курсов. Но почва все же была подготовлена, ибо первый профессор патристики после реформы 1869 г. Дмитрий Васильевич Гусев сумел начать в КазДА патристическую традицию, и опора для нее была. Магистерское исследование Д.В. Гусева было посвящено антитринитариям III в.¹¹⁷, он же внес один из первых вкладов в изучение в КазДА блаженного Августина¹¹⁸. Уже после кончины профессора († 1894) был опубликован его курс лекций по патрологии, а также отдельные его разделы – преимущественно по западным отцам Церкви – обработанные в виде научных статей¹¹⁹. Преемник Д.В. Гусева по кафедре Леонид Иванович Писарев продолжил исследование наследия блаженного Августина и других западных отцов Церкви¹²⁰, а также много занимался первыми веками христианства – прежде всего, учением мужей апостольских и ранними ересями и сектами¹²¹.

Одним из важнейших достижений казанских патрологов стали и многочисленные переводы на русский язык как с греческого, так и с латинского языка творений святых отцов – особенно ранних, III в. (Оригена, Ипполита Римского, св. Дионисия Великого, св. Григория Чудотворца; Тертуллиана). В 1897 г. эта деятельность была отчасти систематизирована учреждением Комиссии по изданию творений святых отцов в русском

¹¹⁷ Гусев Д.В. Ересь антитринитариев III века. Казань, 1872.

¹¹⁸ Он же. Антропологические воззрения блаж. Августина в связи с учением пелагианства // ПС. 1876. Т. II.

¹¹⁹ Он же. Чтения по патрологии. Вып. 1: Введение в патрологию и век мужей апостольских. Казань, 1896; Он же. Чтения по патрологии. Вып. 2: Период христианской письменности с половины II и до начала IV века. Казань, 1898; Он же. Св. Иустин, мученик и философ. Казань, 1898; Он же. Св. Феофил Антиохийский. Казань, 1898; Он же. Тертуллиан, пресвитер Карфагенский. Там же, 1898.

¹²⁰ Писарев Л.И. Учение блаженного Августина, епископа Иппонского, о человеке в его отношении к Богу. Казань, 1894 (магистер. дисс.); Он же. Авторитет Августина, епископа Иппонского, в области христианского богословия по суду древних христианских писателей. Там же, 1903.

¹²¹ Писарев Л.И. Иудействующие еретики первохристианской эпохи // ПС. 1914. Т. I; Он же. Древне-христианские гностические секты // Там же; Он же. О руководительных началах христианского ведения по учению мужей апостольских // Там же; Он же. Христологическое учение мужей апостольских // Там же. Т. II; О спасении по учению мужей апостольских // Там же; Эклесиология мужей апостольских // Там же. Завершением этих исследований стала докторская диссертация: Писарев Л.И. Очерки из истории христианского вероучения патристического периода. Т. 1: Век мужей апостольских (I и начало II века). Казань, 1915.

переводе, которая составила проект по изданию «Библиотеки знаменитейших христианских писателей III в.»¹²². Этот проект осуществлялся в 1898–1916 гг. К переводам и соответствующим исследованиям сочинений святых отцов и учителей Церкви четырех первых веков были привлечены и студенты, и выпускники академии¹²³.

Несомненный успех имело в КазДА изучение церковного права. Основателем этого научного направления в академии по праву следует считать Алексея Степановича Павлова, хотя основные результаты проявились уже после ухода А.С. Павлова в Казанский университет – при его ученике Илье Степановиче Бердникове. Последний стал самым известным канонистом России в конце XIX – начале XX в. Начиная со своей докторской диссертации¹²⁴, он много занимался проблемами отношений Церкви и государства – в истории и современности, – и особую опасность видел в индифферентизме к религии¹²⁵. Ученики И.С. Бердникова своими исследованиями охватили практически все направления канонического права¹²⁶. Некоторые из учеников занимали должности профессоров

¹²² ПЗС КазДА за 1897 год. Казань, 1898. С. 20–21, 235–236.

¹²³ *Штернов Н.В.* Тертуллиан, пресвитер Карфагенский: Очерк научно-литературной деятельности его. Курск, 1889; *Реверсов И.П.* Очерк западной апологетической литературы II и III вв. Казань, 1892; *Мироносицкий П.П.* Афинагор, христианский апологет II века. Казань, 1894; *Кирилл (Лопатин), иером.* Учение св. Афанасия Александрийского о Святой Троице. Казань, 1894; *Владимир (Благоразумов), иером.* Св. Афанасий Александрийский, его жизнь, учено-литературная и полемико-догматическая деятельность. Кишинев, 1895; *Родников Н.П.* Учение блаженного Августина о взаимных отношениях между государством и Церковью, сравнительно с учением о том же отцов, учителей и писателей Церкви первых четырех веков и средневековых теократических богословов Западной Церкви. Казань, 1897; *Петров Н.В.* “О началах”, сочинение Оригена, учителя Александрийского (III в.), в русском переводе (с примечаниями и введением). Казань, 1899; *Феодор (Поздеевский), иером.* Аскетические воззрения преподобного Иоанна Кассиана Римлянина, пресвитера Массилийского. Казань, 1902; *Крестников И.М.* Христианский апологет II-го века, афинский философ Аристид: Опыт историко-критического исследования. Казань, 1904; *Мотрохин А.* Творение св. Амвросия Медиоланского “De officiis ministrorum” в его отношении к сочинению Цицерона “De officiis”. Казань, 1912; *Кибардин Н.П.* Система педагогики по творениям блаженного Августина // ПС. 1910. № 1, 2, 5, 7, 9; 1911. № 8; *Он же.* Блаженный Августин, епископ Иппонский, как воспитатель клира // Там же. 1915. № 5, 6, 7/8; *Верецацкий П.И.* Плотин и Блаженный Августин в их отношении к тринитарной проблеме // Там же. 1911. № 7, 9; *Он же.* Учение блаженного Августина, епископа Иппонского, о Святой Троице. Казань, 1917 и др.

¹²⁴ *Бердников И.С.* Государственное положение религии в римско-византийской империи. Т. I. Казань, 1881; *Он же.* К вопросу о государственном положении религии: Речь, сказанная 7 июня на открытом заседании Совета академии при защите докторской диссертации. Там же, 1881.

¹²⁵ *Бердников И.С.* Новое государство в его отношении к религии. Казань, 1888; *Он же.* Основные начала церковного права Православной Церкви. Там же, 1902; *Он же.* К вопросу о реформе епархиального управления и суда. Там же, 1906 и др.

¹²⁶ *Нарбеков В.А.* Толкование Вальсамона на Номоканон Фотия. Казань, 1889; *Он же.* Номоканон Константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона: В 2 ч. Ч. 1: Историко-каноническое исследование; Ч. 2: Русский перевод с предисловием и примечаниями. Там же, 1899; *Прокошев П.А.* Канонические труды Иоанна, епископа Смоленского. Там же, 1895; *Темниковский Е.Н.* Государственное положение религии во Франции с конца XVIII столетия в связи с общим учением об отношении нового государства к религии: Опыт из области церковного права. Там же, 1898; *Михаил (Семенов), иером.* Законодательство римско-византийских императоров о внешних правах и преимуществах Церкви от 313 до 565 г. Там же, 1901; *Попов А.В.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Там же, 1904; *Кузнецов Н.Д.* К вопросу о свободе совести. Закон о старообрядческих общинах в связи

церковного права в университетах России: в Казанском университете – профессор В.К. Соколов, в Томском – профессор П.А. Прокошев, в Харьковском – профессор Е.Н. Темниковский. Один из учеников И.С. Бердникова и преемник по кафедре Павел Дмитриевич Лапин был одним из активнейших участников Поместного Собора 1917–1918 гг., причем, в первую очередь, как канонист – к этому он был подготовлен своими научными исследованиями¹²⁷.

Внимания заслуживает литургика и церковная археология, научное развитие которых в КазДА было начато Николаем Фомичом Красносельцевым. В области церковной археологии в казанский период Н.Ф. Красносельцев главное внимание уделял истории христианского храма¹²⁸, в области литургики – становлению чина Божественной Литургии, став одним из первых в этой области и повлияв на формирование русской исторической литургики¹²⁹. Значительным проектом, реализованным Н.Ф. Красносельцевым и открывшим новые перспективы историко-литургических исследований, было описание рукописей Патриаршей Иерусалимской библиотеки¹³⁰. Среди его учеников были А.И. Алмазов – исследователь истории таинств¹³¹ и А.А. Дмитриевский – основоположник историко-литургической школы в КДА¹³².

Очень значимым было в КазДА церковно-историческое направление. Византологию возглавил Федор Афанасьевич Курганов, обращавший свое исследовательское внимание, прежде всего, на вопросы церковного

с отношением Церкви и государства. Разбор законопроектов Министерства внутренних дел и Государственной думы. Разъяснение принципа господствующей Церкви и отношение его к принципу свободы совести. Сергиев Посад, 1910.

¹²⁷ *Лапин П.Д.* Собор, как высший орган церковной власти: Историко-канонический очерк. Казань, 1909 (магистер. дисс.)

¹²⁸ *Красносельцев Н.Ф.* О происхождении христианского храма: Критические заметки по поводу исследований: г. Покровского: Происхождение древне-христианской базилики. СПб., 1880 г. и Рихтера: Der Ursprung der adendländischen Kirchengebäude. Wien. 1878. Казань, 1880; *Он же* Очерки из истории христианского храма. Архитектура и внутренне расположение христианских храмов до Юстиниана. Вып. 1. Казань, 1881 и др.

¹²⁹ *Он же.* Объяснение литургии, составленное Феодором, епископом Андидским. Памятник византийской духовной литературы. Казань, 1884; *Он же.* Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки с замечаниями о составе и особенностях богослужебных чинопоследований, в них содержащихся, и с приложениями: Из отчета об ученых занятиях за границей в 1881–1882 г. Казань, 1885; *Он же.* Материалы для истории чинопоследования литургии святого Иоанна Златоуста. Вып. 1–2. Казань, 1889–1895.

¹³⁰ *Он же.* Богослужение Иерусалимской церкви в конце IV века. Там же, 1888; *Он же.* Славянские рукописи Патриаршей библиотеки в Иерусалиме. Казань, 1889.

¹³¹ *Алмазов А.И.* История чинопоследований Крещения и Миропомазания. Казань, 1885; *Он же.* Тайная исповедь в православной Восточной Церкви: В 2 т. Одесса, 1894.

¹³² *Дмитриевский А.А.* Богослужение в Русской Церкви в XVI в. Ч. I: Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств. Казань, 1884.

управления¹³³. Его ученик – Иван Иванович Соколов – перенес акцент в своих исследованиях на более поздний период – историю Греко-Восточной Церкви последних веков. Представив в КазДА не только магистерскую, но и докторскую диссертацию¹³⁴, он стал профессором СПбДА, в 1903 г. заняв там первую специальную кафедру истории Греко-Восточной Церкви со времен отпадения Западной церкви от Восточной.

Внимание в церковно-исторической палитре КазДА обращает на себя русская церковная история. Предтечей ее являлся выпускник и бакалавр академии Афанасий Прокопьевич Щапов, но основание школы в этой области заложил его первый ученик Петр Васильевич Знаменский. Учениками Знаменского были будущие профессора КазДА Иван Михайлович Покровский, Федор Васильевич Благовидов, а также Константин Васильевич Харлампович, который, хотя и был выпускником СПбДА, преподавал в Казанской ДС, потом в университете, но при этом был преданным учеником П.В. Знаменского¹³⁵. В целом направление, определенное П.В. Знаменским, под специальным церковно-историческим исследованием подразумевало критический анализ исторических фактов и выявление проблем исторического «общества верующих», со своими случайностями, земными и временными слабостями.

Наконец, нельзя не упомянуть и о «западном» церковно-историческом направлении, которое в конце XIX – начале XX в. представлял Владимир Александрович Керенский. Его научные исследования, участие в диалоге со старокатоликами были достойным вкладом в общецерковный процесс:

¹³³ Курганов Ф.А. Устройство управления в церкви королевства греческого. Казань, 1872; *Он же*. Отношения между церковною и гражданскою властью в Византийской империи: Обзор эпохи образования и окончательного установления характера взаимоотношений между церковною и гражданскою властью в Византии (325–565). Там же, 1880; *Он же*. Византийский идеал царя и царства. Там же, 1881; *Он же*. Свидетельствовал ли св. Ириней, епископ Лионский, о приматстве и непогрешимом учительстве римской церкви, в частности – ее первосвященника. Там же, 1893; *Он же*. Наброски и очерки из новейшей истории Румынской Церкви. Там же, 1904 и др.

¹³⁴ Соколов И.И. Состояние монашества в Византийской Церкви с половины IX до начала XIII в. (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования. Казань, 1894; *Он же*. Константинопольская Церковь в XIX в.: Опыт исторического исследования. Т. I. СПб., 1904.

¹³⁵ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1872; Благовидов Ф.В. Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование Александра II. Казань, 1891; *Он же*. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Казань, 1899; 2-е, перераб., изд.: 1900; Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Т. I: XVI и XVII вв. Казань, 1897; *Он же*. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 г.: Церковно-археологическое, историческое и экономическое исследование. Казань, 1906; Харлампович К.В. Западно-русские православные школы XVI и начала XVII в., отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и Церкви. Казань, 1898; *Он же*. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914.

обсуждение проблемы единства Церкви и возможных путей к его достижению¹³⁶.

Особым научным направлением, в котором КазДА была ведущей в Русской Церкви, было восточно-миссионерское: изучение ислама и буддизма. Первым серьезным исследователем в исламоведческой области был выпускник МДА, ставший многолетним профессором КазДА, Гордий Семенович Саблуков. Он много занимался переводами с арабского, турецкого и татарского языков: так, его перевод Корана, опубликованный в 1878 г., долго считался лучшим. Принадлежит ему и ряд исследовательских статей – за них, а также за проведенное сравнение мусульманского учения об именах Божиих с христианским¹³⁷ КазДА удостоила Г.С. Саблукова в 1873 г., уже после его выхода на пенсию, ученой степени доктора богословия¹³⁸. Выдающимся ученым и миссионером был выпускник КазДА Николай Иванович Ильминский. Хотя свой потенциал, к сожалению, он реализовал в основном за пределами академии, миссионерское противомусульманское направление долго жило его заветами. Много лет преподавали в академии протоиерей Евфимий Александрович Малов и Михаил Александрович Машанов, Протоиерею Евфимию принадлежит ряд апологетических трудов, доказывающих превосходство христианства перед мусульманством и иудаизмом (влияние которого он выявлял в религиозных взглядах чувашей)¹³⁹, а также статьи по истории миссии в Поволжье и истории казанских храмов и монастырей. Особо следует отметить Пантелеймон Крестович Жузе. С 1911 г. профессором КазДА стал выдающийся тюрколог, выпускник Санкт-Петербургского университета и бывший профессор Казанского университета востоковед Николай Федорович Катанов. Именно в академии он создал свои наиболее важные труды.

¹³⁶ Керенский В.А. Старокатолицизм, его история и внутреннее развитие преимущественно в вероисповедальном отношении (историко-критическое исследование основных начал старокатолицизма в их отношении к православию). Казань, 1894; *Он же*. К старокатолическому вопросу. Ответ старокатолическому епископу Веберу. Казань, 1897; *Он же*. Старокатолический вопрос в новейшее время (по поводу переговоров между русской и старокатолической комиссиями). Там же, 1897; *Он же*. Три месяца в центре старокатолицизма (в Бонне и Берне). Там же, 1899; *Он же*. Пятый интернациональный старокатолический конгресс и современное (внешнее и внутреннее) состояние старокатолицизма. Харьков, 1902; *Он же*. Школа риглианского богословия в лютеранстве (исследование из области новейшей лютеранской догматики). Казань, 1903 и др.

¹³⁷ Саблуков Г.С. Сличение мохаммеданского учения о именах Божиих с христианским о них учением. Казань, 1873.

¹³⁸ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6567. Л. 1–24.

¹³⁹ Малов Е.А., *свящ.* Взгляд на способы, коими, по взгляду мухамеддан, сообщались Мухаммеду откровения. Казань, 1873; *Он же*. О влиянии еврейства на чуваш: (Опыт объяснения некоторых чувашских слов) // Известия Казанской епархии. 1882. № 6, 7; *Он же*. О таинственной книге Гиллион: Против мухаммедан и евреев. Там же, 1893; *Он же*. О превосходстве Моисея пред всеми пророками: Библиейско-экзегетическое исследование против евреев. Казань, 1895–1901.

Следует упомянуть и о небогословских науках, также имевших в КазДА немалые научные успехи: философии и русской словесности. Основу первой в КазДА заложил Вениамин Алексеевич Снегирев, преподававший в академии в 1870–1889 гг., – автор многочисленных трудов и замечательный педагог¹⁴⁰. Его самый известный ученик – профессор Виктор Иванович Несмелов, выдающийся философ конца XIX – начала XX вв., – преподавал в академии в 1895–1921 гг. В постсоветское время защищены 11 кандидатских диссертаций по философии, посвященных трудам Несмелова. Наиболее известный ученик Несмелова – протоиерей Николай Васильевич Петров.

В области русской словесности известен Иван Яковлевич Порфирьев – автор фундаментальных трудов по истории древнерусской литературы и публикатор множества памятников древней письменности, а также его ученик – Алексей Васильевич Попов, автор фундаментального исследования об акафистах.

Если говорить о статистических показателях научной активности КазДА, то и они свидетельствуют о вполне успешной и динамичной деятельности. Период действия Устава 1814 г. – для КазДА 1842–1870 гг. – как и в других академиях, характерен большим количеством магистерских степеней (выпускных) и крайне малым – докторских. Так как КазДА начала действовать в статусе высшей школы существенно позже трех старших академий и имела меньше студентов, чем каждая из последних, то и ее показатели по выпускникам-кандидатам и выпускникам-магистрам были ниже. Точную и окончательную статистику этих степеней восстановить сложно, так как их присуждение продолжалось долгие годы после выпусков и за точность сведений не ручались даже историки конкретных академий, имевшие возможность подкрепить официальные данные непосредственными свидетельствами и воспоминаниями современников. Но показательны и данные на моменты выпусков: КазДА, совершив со времени своего открытия по правилам Устава 1814 г. до новой реформы 13 выпусков (с первого выпуска 1846 до выпуска 1870 г.), увенчала магистерскими степенями 104 выпускника, 56 выпустила старшими кандидатами (с разными условиями дальнейшего возведения в степень магистра), 145 – кандидатами, 14 – действительными студентами с правом получения ученой степени при том или ином условии и 13 – действительными студентами без особых прав. Таким образом, магистры КазДА этого периода составили 7, 2 % от общего числа духовно-академических магистров, получивших таковую степень сразу

по окончании академии; кандидаты – 8, 2 %; действительные студенты – 14, 2 %. В целом это вполне гармонично согласуется в «раскладе» по общему числу выпускников КазДА при действии Устава 1814 гг.: 8, 1 % от общего количества «академиков». Число магистров в каждом выпуске колебалось от 12 (1854) до 4 (1866).

Были случаи получения ученой степени не выпускниками, а студентами, покинувшими академию до выпуска. Так, в 1865 г. кандидатскую степень получил иеромонах Мелетий (Якимов), исключенный из КазДА в середине старшего отделения в 1861 г. за участие в знаменитой панихиде по крестьянам, убиенным в с. Бездны.

Некоторые выпускники КазДА, окончившие академию при Уставе 1814 г., получили магистерскую или кандидатскую степень уже при новом Уставе 1869 г., причем магистерская степень присуждалась им по старым правилам – без публичной защиты и особых магистерских экзаменов. Массовым было подобное «остепенение» через год-два после окончания академии последних предреформенных выпусков: в 1871 г. Синод утвердил в магистерской степени 7 выпускников КазДА 1868 и 1870 гг., в 1872 г. – еще 5, в 1873 г. – 1¹⁴¹.

«Остепенялись» в период действия Устава 1869 г. и старшие кандидаты более ранних выпусков, причем новый Устав с его «научным порывом» послужил катализатором этого процесса. Так, в феврале 1870 г. в Конференцию КазДА обратился учитель Казанской ДС иеромонах Сергей (Василевский), выпускник-кандидат КДА 1859 г, неудовлетворенный тем, что в свое время получил за выпускное сочинение «Богооткровения речи архангела Гавриила к пророку Даниилу (гл. 9, ст. 21–27): историческо-экзегетический опыт нового толкования Священного Писания» лишь кандидатскую степень. Теперь иеромонах Сергей представил на соискание магистерской степени новое рукописное сочинение – «Служение Русской Церкви делу народного образования в древней России», изданные им за истекшие два года брошюры по истории Витебской епархии¹⁴² и рукописную работу «Полное жизнеописание в Бозе почившего митрополита Киевского и Галицкого Филарета, в схиме Феодосия». Впрочем, скоро автор забрал свои работы, сославшись на особые обстоятельства, и дело о соискании степени было прекращено¹⁴³.

¹⁴¹ Дела РГИА (Ф. 797, 802) об утверждении в степени магистра за 1871–1873 г.

¹⁴² «Св. преп. Ефросиния княжна Полоцкая, с историческим описанием основанного ею монастыря и пр.», «Историческое описание Витебского Маркова первоклассного православного монастыря».

¹⁴³ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6244. Л. 13–16 об.

Что касается высшей ученой степени, то до преобразования 1869–1870 гг. по ходатайству Конференции КазДА, как было сказано выше, была присуждена лишь одна степень доктора богословия – ректору академии архимандриту Никанору (Бровковичу).

После введения в действие Устава духовных академий 1869 г. как принципы научной деятельности, так и оценка ее результатов изменилась в КазДА, как и в других академиях, коренным образом. Пафос научного исследования, доступность высших ученых степеней для лиц, не имеющих священного сана действовали воодушевляющее, особенно на профессором-мирян. Количество магистерских степеней, ставших не выпускными, а научными, резко уменьшилось, зато количество присуждаемых докторских степеней возросло. Так, за 14 лет действия Устава 1869 г. (1870–1884 гг.) Совет КазДА присудил 10 докторских степеней (в том числе 2 – без публичных защит), а за 28 лет действия Устава 1814 г. (1842–1869 гг.) – 1.

Всего за весь 1870–1921 гг. Совет КазДА возвел в докторское достоинство 43 соискателей – это 29,3 % от общего числа докторов, получивших степени от духовных академий (146). Ученую степень магистра богословия получили от КазДА 130 соискателя – это 28,7 % от общего числа духовно-академических магистров (453). Таким образом, несмотря на свою молодость в сравнении со «старшими» академиями, дополнительные миссионерские задачи, минимальное количество выпускников, КазДА давала высокие результаты научной активности¹⁴⁴.

Приложение. Мученики и исповедники из преподавателей и выпускников Казанской духовной академии¹⁴⁵

Преподаватели и сотрудники академии

Преподаватели-священномученики: последний ректор КазДА митрополит Анатолий (Грисюк), архиепископ Гурий (Степанов), епископы Амфилохий (Скворцов) и Иоасаф (Удалов).

Сотрудник-священномученик: эконоом академии священник Филарет Великанов.

¹⁴⁴ См.: *Сухова Н.Ю.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.). М., 2012. С.

¹⁴⁵ Названные в списке мучениками и исповедниками уже канонизированы; другие лица, пострадавшие от безбожной власти – расстрелянные, погибшие в заключении или скончавшиеся вскоре после освобождения из лагерей – ждут изучения их судеб.

Преподаватели: расстреляны епископы Варсонофий (Лузин) и Евсевий (Рождественский), протоиерей Александр Касторский (готовится канонизация); умер в лагере Иван Иванович Сатрапинский, умерли в ссылке архиепископ Афанасий (Малинин) и Михаил Николаевич Васильевский; умер вскоре после освобождения протоиерей Николай Петров.

Выпускники академии

Священномученики: архиереи Августин (Беляев), Василий (Богоявленский), Герман (Ряшенцев), Иувеналий (Масловский), Мефодий (Краснопёров), Петр (Зверев), Прокопий (Титов), Симон (Шлеев), протоиереи Павел Ансимов, Ксенофонт Архангельский, Феодор Гидаспов, Павел Дернов, Сергей Увицкий.

Священноисповедники: архиереи Амвросий (Полянский), Виктор (Островидов).

Расстреляны, погибли в заключении или умерли вскоре после освобождения из лагерей: архиереи Авраамий (Дернов), Варлаам (Ряшенцев), Венимин (Иванов), Ефрем (Ефремов), Иннокентий (Летяев), Иннокентий (Никифоров), Иннокентий (Ястребов), Иоанн (Киструссский), Иоанн (Широков), Иринея (Шульмин), Киприан (Комаровский), Леонтий (фон Вимпфен), Николай (Ипатов), Никон (Пурлевский), Пахомий (Кедров), Петр (Савельев), Пимен (Пегов), Питирим (Крылов), Стефан (Знамировский), Феодор (Поздеевский), Феодосий (Ващинский), архимандриты Симеон (Холмогоров), Стефан (Сафонов), Феофан (Еланский), протоиереи Иоанн Верещагин, Иоанн Витоль, Андрей Волков, Иаков Галахов, Михаил Грудцын, Владимир Знаменский, Алексей Игнатъев, Авенир Ильинский, Василий Инфантьев, Феликс Козельский, Александр Лебедев, Александр Меньшиков, Петр Никотин, Петр Образцов, Михаил Петров, Владимир Разумовский, Александр Серебренников, Леонид Скворцов, Николай Соболев, Николай Троицкий.

Выпускники Казанских миссионерских курсов при Казанской духовной академии

Священномученики: епископы Герман (Коккель), Дамаскин (Цедрик), протоиерей Александр Миропольский.

Расстреляны, готовятся канонизация: протоиереи Михаил Беспалов, Иаков Турхан.